

18+

Иван Быков

Сказки фея
Ерофея

Иван БЫКОВ
Сказки фея Ерофея

«Издательские решения»

Быков И.

Сказки фея Ерофея / И. Быков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567371-8

Роман «Сказки фея Ерофея» восполняет острый дефицит современной педагогической литературы. Сложный период подросткового становления. Выбор целей. Поиск собственного назначения в мире, который не всегда добр по отношению к идущему по тропе жизни. На этом пути ждут открытые и закрытые двери, светлые и темные зеркала, Темный лес, таинственные подземные гроты, холодные ручьи и жаркие, испепеляющие лучи. Ждут пропасти и соблазны. Ждут неожиданные помощники и беспощадные преследователи. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567371-8

© Быков И.

© Издательские решения

Содержание

СКАЗКИ ФЕЯ ЕРОФЕЯ	6
ЧАСТЬ 1. ДОМ	7
Глава 1. Один дома	7
Глава 2. Фей в собачьей шкуре	11
Глава 3. Мечта	15
Глава 4. В путь	18
Глава 6. Двери	23
ЧАСТЬ 2. МИР ДВЕРЕЙ	26
Глава 7. Зверек Позднолег	27
Глава 8. Зимнее утро	31
Глава 9. Пол, потолок и бутерброды	34
Глава 10. «The Doors»	36
Глава 11. Меж дверей	40
Глава 12. Музыка	43
Глава 13. Ноги и вершины	46
Глава 14. Тапки и ветер	49
Глава 15. Целеполагание и мышцы	52
1	52
2	53
Глава 16. Черепаха Тортилла и Синяя Борода	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сказки фея Ерофея

Иван Быков

© Иван Быков, 2022

ISBN 978-5-0056-7371-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СКАЗКИ ФЕЯ ЕРОФЕЯ (педагогический роман-сказка)

*«Иное можем мы знать прямо, иное познавать,
иному по необходимости должны верить,
иное по такой же необходимости предполагать,
об ином только правильно догадываться,
а об ином напрасно и голову не ломать».*
Лубкин А. С. «Начертание логики»

ЧАСТЬ 1. ДОМ

Глава 1. Один дома

Дело было вечером, делать было нечего. То есть абсолютно.

Антон даже не думал, что успеет надыхнуться свободой за столь короткий срок. Родители только вчера уехали в какую-то славянскую суверенную державу – всего на несколько дней, за тишиной и пивом. Минула одинокая ночь, опал пеплом нескольких сигарет новый день, стыл вечер, чуть хмельной от нескольких бутылок ужасно вредных слабоалкогольных напитков.

Компьютер надоел, кинопродукция не радовала новинками, а книги никак не сочетались с одурманивающим состоянием «один дома». Нет, Антон любил читать, в доме была солидная библиотека – отец под нее даже отвел специальную комнату. Но получать удовольствие от степенного шелеста страниц, от неспешного разговора с автором Антон так еще и не научился.

Парень знал, что некоторым людям такая «книжная» радость доступна – например, его родителям. А еще он вычитал об этом в каком-то из рассказов Гилберта Честертона о хитроумном отце Брауне. Там герой даже соврал, что его нет дома, представился чужим именем, а потому утратил алиби – и все лишь для того, чтобы его не отрывали от любимой книги, камина, пледа, одинокой тишины и вечернего стаканчика виски. Антону же такие умиротворенно-медитативные состояния были пока недоступны. По возрасту и темпераменту. А еще потому, что он был подростком совсем иного времени – эпохи, что дарила более наглые, настырные, резкие радости, чем тихая тактичная книга. А потому вечер, потраченный на книгу, в условиях отсутствия родителей, Антон признавал делом неоправданно расточительным.

Все можно было найти в этом опустевшем без родителей доме. И не только книги из семейной библиотеки. И не только плед, камин и кресло-качалку. Так, например, в свободном доступе находилась дюжина бутылок виски, как початых, так и запечатанных, различных сортов, солодов, торфов и лет выдержки. Были и другие спутники веселья: кальвадос, текила, коньяк, всевозможные ликеры – все мыслимые спиртосодержащие прелести. Были даже грузинская чача, словацкая сливовица, чешская бехеровка, немецкий егермейстер и прочие диковинки. Отец не вел учета алкоголю – несколько баров размещались в разных комнатах, а в подвале дома расположился винный погреб, где проживали несколько сотен винных бутылок, покрытых благородной пылью.

Вчера вечером, опьяненный долгожданной свободой, Антон не преминул отпраздновать родительский отъезд. Изрядно повозившись со штопором, интеллигентный юноша извлек крошачую пробку из бутылки какого-то красного итальянского вина. Он даже перелил вино в специальный декантер и дал напитку минут тридцать подышать – так, как это иногда отец делал для гостей. Антон нарезал сыры, закурил сигару и приговорил вино в каких-нибудь полтора часа. Потом душа потребовала виски со льдом. Разве можно отказывать собственной душе?

Утро было хмурым. Дождь всю ночь монотонно барабанил в окна, не прекратился он и после рассвета. Ветер печально подвывал в замочных скважинах входных дверей. Руки дрожали, головная боль нещадно измывалась над неопытным в таких делах юношей. Неокрепший пятнадцатилетний организм бунтовал, стонал, ругался и жаловался. Антон попытался излечиться по примеру отца, изгоняя подобное подобным. Но сама мысль о вине или виски вселяла в тело противную дрожь, а запах из горлышка откупоренной бутылки мгновенно вызвал рвотный рефлекс.

Антон натянул старенький – для прогулок с собакой – спортивный костюм, накинул нейлоновую куртку с капюшоном. Сунув озябшие ноги в мохнатые овечьи носки с вышитыми оленями, провалился в огромные резиновые сапоги. По карманам рассовал мелочь и, чуть не упав на скользких ступенях крыльца, выбрался на размякшую жерству улицы. Вминая гравий в податливую толщу пустынной дороги, потащился в маленький универсальный магазинчик, что предприимчивый сосед открыл в нескольких кварталах от Кисельной улицы.

– Не рановато ли? – с сомнением поинтересовалась продавщица, не торопясь поставить на прилавок заказанные бутылки джин-тоника, водки-лайм и ром-колы.

– Папе, – неубедительно соврал Антон, но этого оказалось достаточно. Здесь, в маленьком пригороде, еще не до конца застроенном частными домиками, все друг друга знали, все друг другу верили.

Продавщица улыбнулась и быстро складировала звенящий товар в черный пакет. Несколько раз тыкнув пальцем в кнопки калькулятора, назвала сумму. Антон рассчитался и заспешил домой.

Обратная дорога показалась значительно более веселой и короткой: сырой утренний воздух бодрил, наличие «лекарства» в пакете успокаивало, да и сам поступок – одеться и выйти в такую погоду на улицу, в магазин, – казался Антону деянием весьма волевым и чуть ли не героическим.

Теперь юный дегустатор был более осторожен. Купленное пойло являлось, по определению, дешевой химической отравой. В доме имелся настоящий джин – и британский, и бельгийский, и прибывший из Нидерландов, страны, где родилась эта «можжевеловая водка». И тоник был, и фруктовые соки. Но парень решил больше не трогать отцовские запасы. Пока не трогать. Хватит (на время) экспериментов с крепкими напитками.

Антон аккуратно растягивал приобретенную микстуру и уже к обеду чувствовал себя значительно лучше. Похмеляться этой гадостью казалось делом недостойным, отвратительным, но здоровье было дороже. Так и пропал день – у телевизора, с бутылкой в руке, с жареной яичницей на тарелке. Пока не закончились новые фильмы, пока в обойме не остался последний слабоалкогольный патрон.

Дождь иссяк, ветер стих. Антон вспомнил, что одно важное дело так и осталось невыполненным. Нужно было покормить собаку. Мама сварила целую кастрюлю каши с говяжьими обрезками, так что пришлось лишь извлечь кастрюлю из холодильника, отсыпать в черпак положенную порцию и залить горячей кипяченой водой. Спортивный костюм Антон так и не снимал с самого утра. Вновь облачившись в куртку, сменив домашние тапочки на уличные шлепанцы, Антон шагнул в зябкий вечер.

Собака была рада. Вернее – рад. Пес был рад. Огромный кобель северной породы, черно-белой масти. Аляскинский маламут Ерофей. Очень породистый, очень большой, очень страшный и очень добрый.

Ерофей прыгал вокруг юного хозяина с задором, неподобающим для таких мощи, размера и социального собачьего статуса. Вывалив исходящую паром собачью еду в миску из нержавеющей стали, Антон собрался было вернуться в тепло натопленного дома. Но передумал.

Ветер давно уже разогнал не только туман, но и дождевые тучи. Мрачный фронт размытой полосой закрывал полнеба на Востоке, над морем. Другая же половина неба была чиста, промытый ливнем воздух был прозрачен и свеж, месяц постепенно обретал вечернюю яркость, а звезды вот-вот готовились приступить к вечному ночному служению. Антон положил черпак на крыльцо и закинул руки за спину.

Вообще-то, сегодня в планах были друзья. Еще со вчерашнего дня о сегодняшнем веселии, свободном от родительского внимания, было говорено-переговорено по телефону и в сетях. Компания собиралась заводная, и Антон даже переживал, что отец все-таки обнаружит недостачу на винных полках.

Но дождь изменил планы. Кто-то хриплым голосом сообщил, что простыл и приехать не сможет, кого-то не отпустили родители в такую погоду. Одни отказывались добираться на маршрутке за город, потому как старшее поколение отменило доставку на комфортных семейных авто; другим Антон сам написал, что беспечный разгул не состоится в виду отсутствия полномочного кворума. При этом Антон немного лукавил: ну, не мог он как хозяин

принимать сегодня гостей – по состоянию здоровья. А если представить себе день завтрашний, с мытьем посуды и метением полов...

Нынче Антон стоял на крыльце, трепал меж ушей сытого пса и в который раз счастливо благодарил себя за благоразумие. Как здорово, что есть друзья, и как хорошо, что они сегодня не здесь. А вот первая звезда уже здесь, над головой. Антон неожиданно для самого себя и для пса Ерофея продекламировал:

*– Звездочка светлая, звездочка ранняя,
Сделай, чтоб сбылись мои желания.
Звездочка яркая, первая зоренька,
Пусть все исполнится скоренько, скоренько...*

Эти строки проявились в памяти так же, как месяц проявлялся теперь в вечернем небе.

– Откуда это? – спросил Антон вслух.

– Из новеллы Альфреда Бестера, – ответил пес.

– И что это за звездочка? – спросил Антон по инерции.

– Это не звездочка, – пояснил пес. – Это Венера. Вторая планета солнечной системы.

– Вторая планета, – согласился Антон. И наконец посмотрел на собаку. Посмотрел почти без удивления.

Глава 2. Фей в собачьей шкуре

Антону было всего пятнадцать. Мир вокруг еще не обрел взрослых смыслов и лаконичной законченной сжатости. Для взрослого человека окружающее пространство – это высказанное вслух слово, наделенное грамматической формой и лексическим значением. Для Антона все, что приходило извне, представлялось ирландским рагу из нечетких замыслов и обрывков еще не оформившихся мыслей. Мир был тем самым ирландским рагу, которое готовили герои

повести Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Будничные и праздничные события, слова и поступки знакомых и незнакомых людей падали в котел сознания, как ингредиенты этого неаппетитного блюда: неочищенные картофелины, капуста и горох, объедки из всевозможных корзин, полпирога со свиной и разбитые яйца, кусок холодной вареной грудки и полбанки консервированной лососины.

Внезапно заговоривший пес оказался всего лишь новой рецептурной составляющей в житейской стряпне. Например, дохлой водяной крысой, что притащил Монморенси. Даже у трех солидных англичан возник спор, стоит ли пускать крысу в дело: «Гаррис сказал, почему бы и нет, если смешать ее со всем остальным, каждая мелочь может пригодиться. Но Джордж сослался на прецедент: он никогда не слышал, чтобы в ирландское рагу клали водяных крыс, и предпочитает воздержаться от опытов».

Что тогда ответил Гаррис? А Гаррис оказался философом. Он заметил, что если никогда не испытывать ничего нового, то будет невозможно узнать, хорошо оно или плохо. Что же такое говорящий пес, созерцающий в вечернем небе пробуждение Венеры, второй планеты солнечной системы? Всего лишь «новое блюдо, не похожее вкусом ни на какое другое». И Антон решил не ссылаться на прецеденты и положить водяную крысу в ирландское рагу – признать говорящего маламута пусть и удивительным, но все же вполне материальным артефактом окружающей действительности. Ведь «каждая мелочь может пригодиться».

– Вторая планета, – повторил Антон. – А ты откуда знаешь? Ты же собака.

– Собака, – согласился пес, – но еще я, в некотором роде, фей. По совместительству. А мы, феи, знаем многое.

– Ты – фея? – улыбнулся Антон.

– Фей, – быстро поправил пес, но все же, изогнув мощную лохматую шею, заглянул себе промеж задних лап. – Точно фей! – провозгласил громко и уверенно. – Фей-кобель! В смысле, самец, – добавил для «авторитету».

– А разве бывают феи... самцы? – осторожно спросил Антон. Юный хозяин все еще принаравливался к новой неожиданной роли своего питомца. Если бы Ерофей сейчас протяжно завыл на близкую луну или добродушно гавкнул в ответ, Антон бы вздохнул спокойно и продолжил считать пробуждающиеся в вечернем небе звезды. Но Ерофей не заскулил и не гавкнул; он ответил – очень медленно и торжественно:

– Мы, феи, – это ожившие выдохи Природы.

– Может, духи Природы? – уточнил Антон. Слово «Природа» Антон попытался произвести с таким же пиететом, как и говорящий пес.

Ерофей покосился на хозяина прищуренным глазом – с явной укоризной. Разве можно перчить феям? Тем более самцам?

– Выдохи, – объявил пес тоном, не терпящим возражений. Помолчал, а потом добавил:

– Иногда Природа согревает своим дыханием хорошее место или хорошего человека. Мы, феи, и есть тот самый согревающий выдох Природы. Это награда! Или наказание! – при последних словах Ерофей настороженно и внимательно посмотрел на юношу: проникся ли он, понял ли, что говорящий пес на крыльце дома – это редкая награда Природы. Или ее суровая кара. Юноша понял. Юноша даже кивнул в знак того, что понял. Ерофей важно кивнул в ответ.

– А ты – награда или наказание? – спросил Антон тревожно.

– Скорее, награда, – ответил фей, немного подумав. – Но нельзя быть уверенными на все сто. Тут уж как пойдет.

– Ты – награда мне? Или дому? – с деланным равнодушием спросил Антон.

– А есть разница? – пес будто бы пожал плечами.

– Никакой, – соврал Антон, но тут же поправился:

– Интересно же знать, это я такой человек замечательный, что удостоился подарка, или это наш дом в целом заработал себе личного *genius loci*.

Антону когда-то давно отец рассказывал о том, что некоторые места на Земле оберегают незримые покровители, «genius loci», «духи места». Отец вообще много рассказывал своему сыну. Нестор Иванович долгое время работал в школе учителем истории, так что Антон еще и читать не умел, а уже столько всего мог поведать о серебряных щитах Македонского и скандинавских берсерках, о слонах Ганнибала и легионах Цезаря, о казачьих лавах и тевтонской «свинье», о фрегатах Петра I и галеонах Непобедимой армады, о... Да мало ли? Молоденькие воспитательницы в детском саду тихо млели, когда пятилетний Антоша, живо жестикулируя, бегая из стороны в сторону, подпрыгивая и корча гримасы, эмоционально пересказывал (конечно же, с дополнениями, изменениями и новыми красками) все то, что слышал от папы перед сном. Воспитательницы млели, хвалили замечательного отца и, загадочно улыбаясь, провожали Нестора Ивановича долгими взглядами, когда он вел за руку сына домой.

Дом на Кисельной, 8 находился на самой окраине маленького уютного пригорода. Он достался Нестору Ивановичу в наследство от старого друга. Антон почти не помнил шумного добродушного толстяка Кира. Когда папин друг умер при каких-то непонятных обстоятельствах, Антон был еще совсем мал. Детей у Кира не было, зато была жена Лариса. Лариса теперь работала с папой, была незаменимой папиной помощницей, его правой рукой. А самого папу уже несколько лет Антон чаще видел по телевизору – Нестор Иванович руководил крупным медийным каналом.

Лариса на «кисельный» дом права предъявлять не стала. А может быть, и не могла – Антон не разбирался и не мог разбираться в таких юридических тонкостях. Так что с тех пор и до сего момента в доме обитали пять живых существ: отец семейства Нестор Иванович, его жена Нина, сын Антон, кошка Ка-Цэ и огромный аляскинский маламут Ерофей. Вернее, Ерофей проживал не в доме, а возле него. В распоряжение собаки был отдан приусадебный участок, в углу которого установили будку, соответствующую собачьим размерам. Будка была сколочена каким-то папиным другом, известным мастером, и представляла собой произведение столярного искусства. Работал мастер с прицелом на будущее, заранее заложив в проект габариты взрослой собаки. Столяр утеплил стены будки и снабдил входной лаз козырьком, защищающим от дождя и снега. Так что Ерофею спалось тепло и нетесно.

– «Личного genius loci», – повторил Ерофей и при этом даже кашлянул, то ли насмешливо, то ли удивленно.

– Духа места, – быстро выпалил Антон перевод с латинского: фей мог неверно истолковать незнакомые слова и, чего доброго, обидеться.

– Знаю, – успокоил Ерофей. – Во-первых, мне все равно, на каком языке ты говоришь. Во-вторых, нас действительно так называют – духами мест. Ваш дом имеет свой характер – особый, неповторимый. Не то, что серые строения больших городов. Этот дом построен хорошими, добрыми людьми. И живут здесь хорошие, добрые люди. Моя задача – беречь тепло и уют вашего дома. Для тех, кто в нем живет.

– Значит, и для меня, – улыбнулся Антон.

– Для тебя, – согласился Ерофей. – А если понадобится, то и от тебя.

Антон поехал – от этих слов и от вечерней сырости. Ерофей же перевел взгляд на далекую желтую планету Венера. Несколько минут сидели молча. Небо усеялось звездами, но «звездочку светлую, звездочку раннюю» по-прежнему легко было различить на черном одеянии ночного мага.

– Зачем защищать дом от меня? – наконец спросил Антон твердо. – Ты же сам говоришь, что в доме живут хорошие, добрые люди. Раз я один из них, значит, я тоже хороший и добрый.

– Увидим, – сказал Ерофей, не отрывая взгляда от яркой желтой точки над крышами домов. – Пока трудно сказать...

– Что трудно сказать? – не понял Антон.

– Какой ты человек, – пояснил Ерофей.

- И когда это станет понятным? – настаивал Антон.
- Когда ты расскажешь мне о своей мечте, – ответил Ерофей.
- Мечте? – удивился Антон. – При чем тут моя мечта? Да и нет у меня никакой мечты.
- Мечта есть у каждого. Жизнь человека не что иное, как стремление к мечте, – произнес Ерофей так легко и просто, что Антон сразу же ему поверил.
- Ну, если подумать, – «подумал» Антон, – то я много о чем мечтаю.
- О чем, например? – заинтересовался Ерофей.
- Съездить в Питер, компьютер апгрейдить, – начал перечислять Антон, – на гитаре научиться играть, китайский выучить...
- Разве это мечты? – разочарованно фыркнул Ерофей. – Это все планы на следующий месяц. Или даже на завтра. А мечта... Мечта не такая.
- Какая? – Антон потребовал разъяснений.
- Нереальная, – пес вновь сосредоточил внимание на желтом огоньке Венеры. – Безумная. Одна. И надолго. Есть такая?
- Безумная? – повторил Антон. Теперь он тоже смотрел на Венеру, как бы спрашивая у нее совета.

Глава 3. Мечта

Ничего ему в голову не приходило. Мечта? Безумная? Одна и надолго? Как будто выучить китайский – это всего лишь план на следующий день. Вот так просто китайский за один день и выучишь! Правда, Антон был уверен, что ни сегодня, ни завтра, ни через год никакой китайский он учить не будет. Так, ляпнул первое, что в голову пришло.

Антон перебирал варианты...

Девушку свою на концерт сводить? Или в ресторан? Это уж точно план на завтра. Проси у папы денег и веди себе. Ничего запредельно сложного. В институт поступить? Так Антон даже не знал еще, в какой именно институт он собирается поступать. Все еще находился в процессе поиска будущей профессии. Хотя, если подумать, это тоже не «одна и надолго» мечта, а лишь цель на обозримое будущее. С друзьями протусить всю ночь, да так, чтобы потом за это ничего не было? Ни организм бы не страдал, ни отец бы не смотрел с укором? Антон сам поморщился от такой пошлой банальщины. Это все равно что возвести в разряд мечты «взрослое» желание смело и безнаказанно курить при родителях. Набить морду Славке из параллельного? Нет, снова не то. Да и не за что уже – все вопросы решили любовно. Выиграть в шутерном кибертурнире с призовым фондом в миллион? Уже ближе, но Антон понимал, что и это трудно назвать настоящей мечтой.

Были еще другие желания – или материальные, или по-мальчишески амбициозные, были даже эротические фантазии... Но – не то, все опять не то. Все эти благоглупости, даже вместе взятые, вызвали бы – Антон был в этом абсолютно уверен – лишь очередной саркастический фырк собачьего фея. Антон разозлился. Не на себя, конечно. Кто ж злится на себя? Злятся всегда на собеседника.

– Эй, фей, – Антон постарался спросить как можно развязнее, «без пиетету» по отношению к колдовской собачьей сути, – а чего это ты вдруг заговорил?

– Так семнадцатое же октября, – Ерофей глянул на маленького своего хозяина так, как смотрит учитель на двоечника: разве можно не разуместь элементарных вещей. – Еще вчера я феем не был. Был себе обычным псом. Ну, не совсем обычным, конечно: породистым маламутом. Но не феем.

– Да хоть тридцать пятое марта! – Антон злился все больше. – И? – Никакой связи между говорящим псом, в которого вселился фей, и осенним, ничем не примечательным, днем он не улавливал.

– Лешие лютуют, – напомнил Ерофей.

– Какие лешие? – совсем растерялся Антон. – При чем тут лешие? У нас и лесов-то никаких нет. Одни поля. Разве что лесопосадки, но до них километра полтора.

– У каждого свои лешие, – загадочно проговорил пес.

– Ладно, – смирился Антон. – У каждого свои лешие, домовые, кикиморы и прочие кикишки с игогошками. И тараканы у каждого – свои. При чем здесь говорящий пес на моем крыльце? Или как там тебя? Фей? И при чем здесь семнадцатое октября?

– День святого Ерофея, – пояснил пес. – Ерофея-лешегона.

– Что-то религиозное? – заскучал Антон, все еще ничегошеньки не понимая. – Какой-то церковный праздник?

– О, как забавно переплелись религиозная вера и древние верования в сознании нашего народа! – Ерофей улыбнулся так, как умеют улыбаться только собаки. – Да и любого другого народа, – продолжил пес, чуть подумав. – Посмотри, какая необычная перевязь смыслов: христианский святой Иерофей и языческий хозяин леса, леший. Умиляет. – И пес напоказ умилился.

– Все равно ничего не понимаю, – честно признался Антон.

– Не сомневаюсь, – успокоил фей. – «Всё смешалось в доме Облонских».

– Это из Толстого! – обрадовано вспомнил Антон, который недавно прочитал «Анну Каренину». Ну, как прочитал – так, почитал местами – что из самого романа, что из хрестоматии. В общем, освоил не без труда тот уверенный минимум, что позволит написать сочинение и вставить пару реплик при обсуждении в классе. Но эту фразу, про дом Облонских, Антон запомнил твердо.

– Вот именно, – подтвердил Ерофей. – Кто-то строит дома, а кто-то потом все в них мешает.

– Перестань говорить загадками! – нетерпеливо потребовал юный хозяин. – Разъясни: лешие, Иерофеи, святые, дома, Облонские, христиане, язычники – каша какая-то!

– Чтобы ты ел эту кашу и не морщился, – покровительственно глянул Ерофей на хозяина, – я должен начать с самого дня первотворения и потратить на разъяснения годы. Библиотека у твоего отца большая – читай, разбирайся сам. Или с папиной помощью. А пока что выбрось-ка все это из головы и подумай о себе.

– А что я? – удивился Антон, который особых грехов за собой не помнил. Разве что эти злополучные бутылочки с ядовитым содержимым, что помогали сегодня бороться с похмельем.

– В день святого Ерофея, – говоря, Ерофей снова задрал морду в небо, – лешие лютуют, всякие пакости творят – знают, что с первыми петухами провалиться им под землю и не выбраться до самой весны. Со двора в эту ночь не выходить, особую настойку «ерофейч» пить. Ну, с настойкой у тебя, как вижу, все в порядке, – Ерофей покосился на хозяина.

– И со двора я сегодня не выйду, – заверил Антон.

– Не поможет, – фей чуть покачал головой. – Тебе пятнадцать. Выйдешь ты или не выйдешь, ты добыча легкая и, что самое страшное, – желанная.

– Для кого? – Антону стало жутковато.

– Для леших всех мастей, – пояснил пес. – Разорвут на части, оплетут корнями, заманят, утащат в такие чащи, в такие темные и глухие места – ни за что не выберешься. Не будет возврата. И даже я, хоть фей я умелый и опытный, – Ерофей гордо задрал нос, – помочь буду не в силах. Есть только одно спасение.

– Какое? – спросил Антон на всякий случай, ведь он так и не понял, от какой именно напасти нужно искать спасения.

– Мечта! – провозгласил Ерофей.

– Мечта, – повторил Антон без особой восторженности.

– Именно! – подтвердил пес. – Только мечта будет тебе надежной броней от леших всех мастей.

– Поубивает их всех? – неумело попытался пошутить Антон.

– Что ты! – Ерофей от такой глупости даже передернул мохнатой шкурой. – Кто ж их убить-то может? Да и зачем? Без леших нельзя. Вот только человеку с мечтой лешие не враги, не пакостники, а верные помощники. – Фей немного подумал и все же поправил сам себя:

– Хотя, конечно, случаи всякие бывали.

– Значит, ты, фей, пришел спасать меня от леших? – уточнил Антон. – Или – как там? – подружить с лешими?

– Не спасать, – поправил Ерофей. – Я могу лишь подсказать путь.

– Подскажи мне дао, о великий Мастер! – не выдержал Антон. – Укажи мне истинный путь!

– Не ерничай, – обиделся фей. – Тебе, можно сказать, повезло. Потом еще спасибо скажешь.

– И что же, ко всем пятнадцатилетним приходят феи? – не унимался Антон. – Только к мальчикам? Или к девочкам тоже?

– Нет, – грустит Ерофей, понурив огромную голову. – Не ко всем.

– И чем же я заслужил? – заинтересовался Антон.

– Не ты, – было видно, что фей не хотел бы отвечать на этот вопрос. – Из уважения...

– К кому? – удивился Антон.

– К твоему отцу.

– К моему отцу? – Антон уже не просто удивился – он крайне изумился. – Вы с моим отцом знакомы? Фей и папа?

– Мы с Нестором Ивановичем, можно сказать, из одного ведомства, – уклончиво ответил Ерофей. – Больше не скажу. И у отца не советую спрашивать. Если захочет, то сам расскажет.

Антону, говоря по правде, становилось скучновато. Размышляющий пес на крыльце, планета Венера (она же звездочка ранняя) в небе, лешие всякие вокруг, таинственные ведомства – все это казалось забавным, «умиляло», по выражению Ерофея. Но вот манера вести беседу – над ней всем этим кельто-германским мифическим существам в лице (вернее, в морде) фея Ерофея стоило бы поработать. Туману пес нагнать сумел, а ничего по существу вопроса сказать не смог. Или не захотел. Да и самого вопроса не было. Тоже мне вопрос – мечта. Романтическая чушь для начальной школы. Но фей Ерофей, собака эдакая, продолжал упорствовать – снова задал тот же вопрос. И, наверняка издеваясь, перешел на «Вы»:

– Итак, молодой человек, какова же Ваша мечта?

– Вот настырный! – в сердцах прикрикнул на собаку юный хозяин. Пес только снова улыбнулся.

В голове было пусто, ответов не было, да и быть не могло. Вот попробуйте сами, не задумываясь, сказать, какова ваша мечта. Даже не сомневайтесь – ничего у вас не выйдет.

Антон устремил взор в ночное – уже ночное! как быстро летит время! – небо, нашел ту самую звездочку, светлую, раннюю... И тут парня осенило!

– Хочу на Венеру! – торжественно изрек он. – Съел, псина? Чем не мечта? Нереальная, безумная. А главное – недостижимая! Спасет такая мечта меня от леших?

Ерофей серьезно задумался. Даже почесал лохматый бок могучей лапой. И наконец решил:

– Что ж, можно попробовать.

– Что попробовать? – не понял Антон.

– Твоя мечта – попасть на Венеру? – уточнил пес.

– Ну? – недоумевал Антон.

– Вот я и говорю: можно попробовать...

Глава 4. В путь

Антон даже развеселился по такому поводу.

– Ты же не птица говорун, – весело сказал он собаке и хотел потрепать псину между ушей, но не решился: Ерофей все-таки теперь не просто породистый маламут – в этот вечер, в эту ночь он существо, обладающее природой метафизической. Можно ли вот так, запросто, трепать меж ушей таинственного покровителя дома на Кисельной восемь, или, как он сам о себе говорил, «фея умелого и опытного»?

– Почему говорун? – фей повел ухом, как будто почуял порыв юного хозяина. – Потому что говорить умею?

– Не читал Булычева? «Девочку с Земли»? Ну, или другие повести – те, что про Алису Селезневу? – пришел черед Антона взглянуть на собеседника, как на двоичника, с улыбкой «чуть сверху», и не просто потому, что человек выше собаки. Сам-то Антон всего Кира Булычева перечитал еще лет в десять, если не раньше.

– Мы, феи, книг не читаем, – терпеливо разъяснил Ерофей.

– Читать не умеете? – тут же «выстрелил» Антон.

– Мы живем на стыке, как бы на горном хребте, – фей не обратил на мальчишеский укол никакого внимания, – где один склон – мир реальный, физический, а другой – мир, созданный вашими снами, фантазиями.

– Нашими снами и фантазиями? – переспросил Антон. – Нашими – это чьими?

– Человеческими, – Ерофей вильнул хвостом – откликнулась собачья натура, добродушно привязанная ко всему человеческому. – Мир нельзя разложить по полочкам, упрятать в коробочки всевозможных наук и логически выстроенных понятий. Сны и фантазии позволяют вам словно бы сгладить шероховатости, помогают «объять необъятное»...

– Вот! – радостно зацепился за слова собеседника начитанный Антон. – «Объять необъятное» – это же из Козьмы Пруtkова. А говоришь, что феи не читают.

– Нам не нужно читать, – вздохнул Ерофей. – Мы лишены этого удовольствия. Все написанное, все сказанное, все подуманное – уже часть нас. Так же, как и мы – часть написанного, сказанного и подуманного вами.

– Говорун, – смирился Антон, решив пояснить, – это птица такая, с двумя клювами...

– Да, знаю я, – Ерофей перевалился на бок, сев в «позу дворняги». – Говорю же: любое слово – уже часть нас. Я лишь хотел уточнить, почему ты меня сравнил с говоруном.

– Эти птицы способны летать между звезд. Ну, или планет, – Антон вспомнил поправку Ерофея по поводу Венеры. – Феи тоже так умеют?

– Нет, – Ерофей покачал тяжелой мохнатой головой. – Драконы умеют. Они все умеют. А нам-то зачем? Наш мир здесь – у каждого фея, так сказать, свой шесток. Мой – рядом с тобой, на Кисельной восемь.

– Значит, на Венеру нам слетать не получится, – как будто бы с огорчением, а на самом деле облегченно вздохнул Антон; он уже начал переживать – вдруг псина, пользуясь неожиданно вселившейся «фееричной» силой, действительно решил запустить в космос собственного хозяина.

Ерофей вдруг залился то ли лаем, то ли смехом. «Смеялся» так, что чуть не свалился с крыльца, – видимо, попытался покататься спиной по траве, как делают обычные собаки в порывах собачьего счастья, да забыл, что до газончика целых четыре ступеньки, выложенные коричневой плиткой. Так что пес ограничился лишь тем, что улегся на бок и уморительно дергал лапами до тех пор, пока к нему не вернулось серьезное настроение. Фыркнув в последний раз и выдержав паузу, фей посмотрел Антону прямо в глаза – так посмотрел, что Антон почувствовал, как утопает в этом необъяснимо мудром взгляде.

– Почему же нам? – спросил Ерофей, вовсе не ожидая ответа. – Насколько я помню, попасть на Венеру – мечта твоя, не моя и не наша. Разве я не говорил, что могу лишь указать путь? И лететь не придется. К мечте не летают. К мечте идут. Идут, преодолевая препятствия, падая и вставая, проигрывая и побеждая, отчаиваясь и ликуя. Сложный путь, захватывающий путь. Путь длиною в жизнь.

И тут Антон вдруг осознал, что все происходит не понарошку, – всерьез, да еще в какой серьез!

– Глупости! Не хочу я ни на какую Венеру! – почти закричал Антон. Ему очень захотелось в дом – подальше от этой говорящей собаки, от этого невозможного лохматого фея. Растопить камин, стащить из папиного бара (авось и не заметит) бутылочку вина, включить телевизор... Да все что угодно, лишь бы вырвать, выдрать, вытащить себя из этой пугающей сказки братьев Гримм!

Но пес продолжал смотреть; пес молчал, и молчание это пугало сильнее всех леших, что беснуются в Ерофеев день. Антон быстро поднялся с крыльца, буквально вскочил на ноги и бросился к двери. Дверь оказалась закрыта, хотя быть этого не могло – Антон не запирает дверь, незачем было, ведь он просто вышел покормить собаку. В отчаянье парень обернулся, чтобы приказать этому зловредному псу немедленно прекратить свои колдовские штучки; крикнуть фею «Не смей!», так, как приказывал собаке «Сидеть!» или «Лежать!». Но Ерофея на крыльце не оказалось – он бегал кругами по траве газона, весело виляя хвостом.

Сперва Антон ощутил несказанное облегчение: поела себе собака и радуется. Не было никаких бесед о феях, леших, мечтах и планетах. Пес просто резвится, как и положено сытому и здоровому псу. И действительно: собака, носилась по кругу как бы в погоне за воображаемой дичью и даже весело погавкивала и подвизгивала, сама себя подзадоривая. Пес то замирал, припадая на передние лапы, то вновь пускался лошадиным галопом, практически врезаясь в забор, но каким-то чудом умудряясь в последний момент резко менять направление кавалерийской атаки.

Антон наблюдал за этой привычной картиной почти умиротворенно. В лунном свете резвящийся пес, травяной газон, очерченные серым фоном забора, казались феерией, ожившими кадрами какой-нибудь ретроспективной картины черно-белого кинематографа или даже – глубже в прошлое – ожившими картинками волшебного фонаря.

– Ерофей! Догоню! – крикнул Антон, подначивая пса. Жизнь возвращалась в привычное русло. Смущала разве что запертая дверь за спиной, но и с этой проблемой, несомненно, можно будет справиться без труда. Может, просто выскочила и запала в паз «собачка» замка. Ничего, есть и другие способы вернуться в дом. Например, через окно или... В общем, Антон был уверен, что сейчас обязательно что-нибудь придумает. Стоит только захотеть. Еще пару минут поиграет с собакой и отправится спать, предварительно включив какой-нибудь развлекательный телеканал. Или, наоборот, какой-нибудь фильм поскучнее, чтобы не задерживать приход спасительного сна. Может быть, даже черно-белый фильм. Может быть, даже немой. С Чаплином, например (правда, Антон больше и не помнил других актеров немого кинематографа).

– Ко мне! – приказал Антон собаке, и через мгновение маламут статуей замер перед крыльцом. – Сидеть! – распорядился хозяин, выкинул руку во властном жесте и пес тут же послушно сменил позу.

– Вот и молодец! – похвалил юный хозяин своего питомца. – Умеешь же быть нормальной собакой, когда захочешь.

– Могу! – согласился Ерофей. – И собакой могу, и кошкой могу, и даже мышью. Кем угодно могу. Разве что змеей – нет, не умеем мы змеями, это не из нашей компетенции. Ну, и людьми тоже – это и так понятно.

Все ухнуло, все оборвалось, мороз побежал по коже и сердце екнуло в груди Антона.

– Что ж ты так?! Что ж ты?.. – только и смог выговорить юноша.

– Спокойствие! Главное спокойствие! – сказал фей голосом Василия Ливанова, что озвучивал Карлсона в известном мультфильме по сказке Астрид Линдгрэн.

– Где уж тут спокойствие? – Антон обреченно присел на верхнюю ступень крыльца. – Я надеялся, что ты хороший пес, а ты – вредный, несносный фей.

Ерофей радостно завил хвостом в подтверждение сего тезиса.

– Будешь отправлять в космос? – смирился хозяин. – Скафандр хоть дашь? С минимальным запасом кислорода? Проинструктируешь? Ты ж пойми, я вот так, по вертикали, только на самолетах – из города в город. И то не часто. Не люблю я путешествовать. Только с родителями, по их настоянию. А так, чтобы с крыльца родного дома сквозь все слои атмосферы – на вторую планету солнечной системы... Нет у меня такого опыта. Или все же сумеем договориться? – спросил Антон с робкой надеждой. – Может, я это, перемечтаю как-нибудь?

– Можно и перемечтать, – неожиданно легко согласился фей, но легкость эта оказалась обманчивой. – Вот вернешься с Венеры – и мечтай себе снова на здоровье. А первую свою мечту предавать нельзя. Иначе вся жизнь потом насмарку. Так что я тебе расскажу сейчас что к чему, посидим на дорожку, и – в путь. Начнем инструктаж?

– Начинай, – и Антон вновь отыскал в ночном небе желтую точку «звезды» Венеры, которая отныне стала его мечтой.

Глава 5. *Vade tecum* (Иди со мной)

Отправиться в далекий путь к собственной мечте – дело непростое, новое, незнакомое. Не начинать же его сломя голову или, как говорил отец, аллюром в три креста. Антону нравилось это выражение – «аллюром в три креста». В детстве оно ассоциировалось с крестиками, которыми своего сына научила вышивать мама Нина. Нравилось брать тонкую острую иголку, продевать черную нитку сквозь игольное ушко, протыкать разноцветные лоскуты ткани и выводить по ним таинственные крестообразные знаки, пусть неровные, не всегда похожие на кресты, но зато сделанные собственными детскими руками. И только много позже Нестор Иванович, отец, пояснил, что три креста – это знак на конверте, обозначающий скорость доставки депеши. Получив конверт с тремя крестами, курьер пускал лошадь в карьер, стремясь передать послание в кратчайшие сроки.

Антон твердо решил изучить вопрос досконально, от доски до доски, от корки до корки. Раз уж Ерофей посылает беззащитного ребенка к желтой планете через миллионы километров безжизненного вакуума, то пусть будет добр и снабдит путешественника всеми необходимыми сведениями.

В школе Антон и его одноклассники знали тысячу и один способ увести учителя от темы урока. Школьные учителя – люди увлекающиеся, немного не от мира сего; стоит лишь дознаться, каков конек преподавателя, – и все, любой урок можно направить в нужное русло. А какое русло любой старшеклассник считает нужным? Такое, что ни в одном учебном плане не прописано, ни в одном методическом пособии не предусмотрено. Школьная наука, по учебническому разумению, – штука абстрактная, а потому в реальной жизни малопригодная. Так что будь то опрос, эвристическая беседа, тематический доклад или обычная лекция – тем милее ученическому сердцу общение с учителем, чем меньше общение сие соответствует годовому тематическому плану.

Географ может часами говорить о рыбалке на озере в Барабоях; англичанка на чистейшем русском языке будет рассказывать о летней поездке в Барселону с подружкой; учитель химии напрочь забудет о коэффициентах и валентностях, если позволить ей похвастаться выращенной рассадой помидоров и болгарского перца; учительница русского продиктует подробные рецепты приготовления закруток на зиму; историк, если попросить, даже принесет на урок часть коллекции средневековых монет, и тогда тоже будет история, да совсем не та.

У каждого педагога свое увлечение, а значит, своя слабость, своя «кнопка». Жми на кнопку и обязательно получишь нужный результат: увлекательный рассказ «про жизнь», вместо нудного повествования в рамках записанной на доске темы урока. Стоит лишь правильно задать вопрос – с заинтересованным видом, в нужное время, обязательно так, чтобы учитель ничего не заподозрил. И тогда даже самый проницательный, самый подкованный в области детской психологии специалист самой высшей категории сам превратится в ребенка и всю душу свою распахнет благодарным слушателям – лишь дай понять, что слушаешь внимательно. И ведь ничего не поделаешь с этим: только такие педагоги – способные учить и жить нараспашку – и вправе работать в школе учителями.

Правильно задавать вопросы Антон умел, пожалуй, лучше многих в классе. Актером тоже был неплохим – давно уже постиг искусство «превращаться в слух» и «есть взглядом». Наживку умел подбирать так, что редкий учитель «срывался с крючка» и распознавал манипуляцию. Как правило, именно подросток оказывался ведущим игроком, а взрослый профессионал с высшим педагогическим образованием получал роль ведомого. Или, как сказала бы учитель русского языка, ученик становился субъектом манипуляционного действия, педагог же – всего лишь объектом.

Собственно, Антон решил положиться именно на это свое умение – отвлечь от темы, увести от цели. Фей обещал перед «полетом» провести инструктаж. Что ж, пусть только начнет. Антон станет самым внимательным слушателем, потребует как можно более подробных и обстоятельных инструкций, будет задавать уточняющие и наводящие (вернее, уводящие) вопросы. Другими словами, постарается затянуть беседу с мохнатым наставником на несколько часов. А там, глядишь, и солнце встанет.

Начнет светать, и, стало быть, Ерофеев день и Ерофеева ночь сойдут на нет. Уснут беспокойные лешие, охранять дом и его хозяев станет не от кого, а потому духи-покровители вернутся в свои таинственные обители, недостижимые элизиумы, вышние кущи. И Ерофеем перестанет быть требовательным назойливым феем, вновь станет собакой – лохматым маламутом, очень большим, очень страшным и очень добрым. А главное, Ерофеем снова начнет гавкать от радости и выть от тоски. Гавкать и выть, но ни в коем случае не разговаривать. И тогда можно будет вернуться в дом, включить телевизор и уснуть на диване – под теплым пледом и со свернувшейся калачиком кошкой Ка-Це в ногах.

Антон помнил сказки, которые перед сном рассказывал ему отец, которые, когда чуть подрос, читал сам. Помнил, что с любым сказочным существом можно договориться, а в крайнем случае, если сказочное существо проявляет злобу и агрессию, его можно даже обмануть. И вообще, «добра молодца» нужно сперва напоить, накормить, в баньке попарить, спать уложить, а лишь наутро в космос отправлять. Юный хозяин уже хотел было озвучить мудрую мысль сию своему четвероногому питомцу, но Ерофеем заговорил первым. Точнее сказать, не заговорил вовсе, а запел. Да как! С танцами и спецэффектами!

Пес вновь метнулся вскачь по траве, по вытоптанному кругу, набирая скорость с каждым новым витком. Антону даже показалось, что маламут увеличился в размерах, что расстояние от забора до забора он преодолевает всего одним гигантским прыжком. Вот Ерофеем уже размером с пони, вот – с теленка, а вот уже и тесно ему стало на участке, потому что крутится он на месте здоровенным боевым скакуном. Крутится-вертится, толстенными лапами вырывает кусищи мокрой после дождя земли с дерном, оставляя на газоне свежие раны, и припекает-подвывает-заклинает, по одной строчке с каждым оборотом:

*Через десять дверей в родном дому,
Через десять теней в десяти зеркалах,
Через десять тропинок в темном лесу,
Через десять пещер в могучей горе,*

*Через десять холодных подземных ручьев,
По десяти хрупким лучам
Дорога твоя к далекой мечте.*

Трижды пропел пес-великан эту жуткую песню, и с каждым разом звучало заклинание не громче, но как-то глубже, как будто в акустической системе кто-то постепенно прибавлял басов. Все глубже и глубже, пока не загудело все не только вокруг, но и внутри Антона, пока мурашки не побежали по его коже. Парень уже хотел было в отчаянье закричать «Хватит!», но тут песня неожиданно оборвалась на самой глубокой ноте, а Ерофей так же неожиданно вновь оказался у ног хозяина, развалившись в демократичной позе дворняги.

– Все запомнил? – весело спросил пес и тут же совершенно по-собачьи вывалил набок язык, который казался серым в ночной полутьме.

– Нет, – честно признался Антон. – Я вообще не понял, что это было.

– Путеводитель, – с готовностью пояснил фей. – Проводник, указатель, вадемекум, бедкер.

Некоторые слова были Антону совершенно непонятны, но он догадался, что все они означают одно и то же: руководство, которое указывает верную дорогу.

– Во-первых, – Антон пожал плечами, – я все равно ничего не запомнил. Во-вторых, все эти твои фейские песенки для меня – темный лес. Ну, или темный космос. В-третьих, я не знаю, что такое «вадемекум».

– Нет причины для кручины! – сообщил Ерофей. – Все вспомнишь, когда придет время. А «вадемекум» – слово латинское. Вернее, два латинских слова: *vade mecum*, что в переводе означает «иди за мной».

– Так я буду не сам взбираться за атмосферу? – обрадовался Антон. – За тобой буду идти? Будешь мне дорогу указывать? Отлично! Вдвоем же веселее.

– Вдвоем веселее, – согласился Ерофей. – Только мне с тобой нельзя. Я же фей, *genius loci*, дух места. Этого места – на Кисельной восемь. Мне далеко от дома никак нельзя. Но если буду нужен, так ты только позови – тут же приду.

– Как позвать?

– Просто подумай обо мне, и я тут как тут, – Ерофей даже вскочил на лапы и завилял крученым хвостом, показывая, как быстро он окажется рядом. – Но ты не думай – самого бы я тебя не отпустил. Будут у тебя помощники.

– Помощники? – решил уточнить Антон. – Кто же?

– Увидишь, – Ерофей снова сел и почесал лапой за ухом. – Вот только помни, что мечта – твоя и путь к мечте – твой. Спутники могут дать совет, на вопросы могут ответить, но решения принимать только тебе. И от этих решений зависит, доберешься ли до цели или...

– Или? – насторожился Антон.

– Или застрянешь где-то по дороге, – беззаботно предрек Ерофей. – Одно неверное решение и – прощай, Венера.

– И тогда я вернусь домой? – спросил Антон с надеждой.

– Все сложнее, все гораздо сложнее, – вздохнул Ерофей и, чуть склонив голову набок, глянул на юного хозяина взглядом настоящего фея – глубоко мудрым и еле уловимо грустным.

В общем, не вышло у Антона затянуть беседу с феем-инструктором до спасительного утра.

Глава 6. Двери

Но утро было уже близко, на подходе. Восток начал сереть, а это значит, скоро снизу, от земли и моря, начнут наползать серо-багровые тени, которые незаметно сольются в один пламенеющий цветок и неожиданно взорвутся над горизонтом солнечным диском. Антон часто наблюдал рассветы: пространство за окном его комнаты пересекала наискосок желтая дорога, уводящая к морским пляжам. И там, над соленым серым покрывалом, изо дня в день поднимались кулисы одного и того же представления в багровых тонах.

На каникулах строгий школьный режим летел ко всем чертям (или к лешим), и Антон нередко просыпался как раз в эти, предрассветные, часы. Не вставая с кровати, наблюдал он игры красок за окном. Всякий раз он пытался отследить этот неуловимый момент рождения зари, но всякий раз тщетно. Миг ускользал – вот горизонт горит багрово-алым, а вот уже почти полдиска умылось морской водой и небо залито желтым кадмием. Все это казалось Антону странным и нелогичным, он обижался на солнце и тихо засыпал от этой невысказанной, бесформенной, неясной обиды.

Меж домами весело зашелестел опавшими листьями бриз. Предутренный ветер разнес смолистый аромат древесного дыма – такой, от которого хотелось в еловые горы, где над ледяным журчанием реки дымит паром тяжелый сруб душистой бани. Видимо, кто-то из соседей уже проснулся и затопил печь.

Антон улыбнулся собственной архаичной мысли. Откуда же печь в маленьком пригороде, что сложен из частных домиков, как из цветных кубиков детского конструктора? Вряд ли на сотни километров в округе сумеешь сыскать настоящего живого печника. Вовсе не печи топят теперь дровами, а твердотопливные котлы. Многие домовладельцы перешли на твердое топливо – экономят невероятно подорожавший газ. Еще мангалы топят дровами, но кто же будет разжигать мангал в полпятого утра? Камин тоже топят, но от камина запах больше идет в дом, а не в трубу и на улицу – это Антон знал наверняка, потому что в доме на Кисельной, 8 камин был и топили его довольно часто – «под сыр и вино», как любил говорить отец. А сыр и вино в доме были всегда.

Фей Ерофей тоже учуял приближение утра – потянул носом свежее дыхание осени, дрогнул ухом, когда заголосили третьи петухи. Антон как-то пропустил пенье первых и вторых – не до того было, как-никак – говорящая собака во дворе. Тут Антон вполне предсказуемо вспомнил булгаковское «Собачье сердце», вспомнил странницу, пришедшую посмотреть на «собачку говорящую» и вновь улыбнулся сам себе.

– Весело тебе? – тут же заметил Ерофей. – И правильно: в дорогу нужно отправляться радостно, с задором, с энтузиазмом. Кстати, тебе пора. Должен выступить до первых солнечных лучей.

– А если опоздаю? – лукаво спросил Антон.

– Тогда прощай, мечта, – честно ответил Ерофей. – Нельзя откладывать – рискуешь закончить путь, даже не начавши. Так что добро пожаловать домой. Иди. Дверь открыта.

– Домой? – удивился Антон, который меньше всего ожидал именно такого старта к Венере.

– Поторопись! – кивнул Ерофей. – Чтобы я тебя успел проводить.

– Ну, тогда добро пожаловать, – Антон поднялся по ступеням крыльца и распахнул входную дверь. Жестом пригласил фею в дом.

– Мне в собачьей шкуре в дом нельзя, – произнес Ерофей с должным пиететом. – Я же дворовой пес. Ты не медли, иди. За меня не беспокойся.

После этих слов Ерофей гавкнул. Антон вздрогнул от неожиданности – он уже привык к человеческой речи. Пес снова гавкнул и завилял хвостом. *Genius loci*, дух места, улетучился.

На то он и дух. Перед хозяином вновь ждал команд, еды и развлечений его четвероногий питомец. Антон только теперь понял, как утомила его эта сказочная ночь. Пора в постель. Срочно! Безотлагательно!

Антон торопливо переступил порог и, оказавшись в прихожей, радостно скинул куртку и сменил уличную обувь на домашние тапочки. Оставалось через небольшой холл добраться до дивана, взбить подушку, натянуть плед по самый подбородок и включить телевизор. На ватных ногах полусонный Антон решительно зашлепал к цели. Вот он холл, а вот и кошка Ка-Це – лениво щурился на хозяина у порога кухни. Сколько ей сейчас? Десять? Двенадцать?

Разве вспомнишь теперь, когда появилась Ка-Це в доме на Кисельной, 8? Уже взрослым животным трехцветной масти материализовалась она на той самой, уходящей к морю, желтой дороге – маршрутировала меж лужами, высоко, чтобы не испачкать, поднимая лапы. Папа сказал тогда по-немецки: «Die Katze marschier!». Шестилетний Антон услышал «Ка-Це» вместо «Katze». Так и пристало это странное прозвище к маленькой, «куцей» кошечке, которая так и не выросла за прошедшее без малого десятилетие. Странно совпало (да совпало ли?), что первая встреча хозяев с Ка-Це произошла в тот самый день, когда папа Нестор, мама Нина и сын Антон только вселялись в уютный дом на Кисельной, 8. Вот и обитала с тех пор кошка не столько на правах простой питомицы, сколько на правах хранительницы домашнего очага. И если Ерофей был духом всего участка – с садом, газоном и беседкой для посиделок с гостями, то Ка-Це оберегала исключительно внутренние помещения, на улицу выходя лишь изредка – подышать свежим воздухом. Пес и кошка как бы разделили сферы влияния, единожды и навсегда.

Ка-Це на пороге кухни – явление обыденное, привычное. Антон лишь мельком взглянул на кошку, что была похожа на трехцветную плюшевую игрушку. Его внимание привлекло другое: холл изменился. Раньше это было небольшое проходное помещение, через которое можно было попасть на кухню, в столовую и в гостиную. Деревянная лестница в два пролета по шесть ступенек вела на второй этаж, где размещались спальни и кабинет-библиотека; такая же двухпролетная лестница, только декорированная керамической плиткой, вела в прохладный погреб с наклонными полками, где пылились папины коллекционные вина и прятались по шкафчикам разнообразные спиртные напитки. Тут же, в погребе, мама хранила закрутки. В отдельном подвальном помещении пыхтел газовый котел, снабжая дом теплом и горячей водой. Под Новый год, до которого оставалось всего-то месяца полтора, в этом уютном проходном зале появлялась великолепная елка. Ну и пусть елка была искусственной – стараниями мамы, умевшей виртуозно размещать на зеленых пластиковых ветвях огромные шары, мишек-зайчиков, снежинки и гирлянды, это изделие вездесущей китайской промышленности превращалось в яркое украшение зимнего праздника.

Так было раньше.

Теперь же холл избавился от лестниц, уводящих вверх и вниз, зато приобрел по периметру дополнительные двери. Теперь дверей в холле было десять, не считая той, из прихожей, на пороге которой замер Антон. Двери были закрыты, понять, куда они ведут, было невозможно. Причем закрыты были все двери, и потому возникали вполне обоснованные сомнения: можно ли, как прежде, беспрепятственно проникнуть в столовую, в гостиную или на кухню. Антон остановился в замешательстве, не рискуя покидать прихожую, что не подверглась никаким трансформациям, а потому казалась местом наиболее безопасным. Он растерянно озираясь и никак не мог решить, стоит ли делать шаг в это незнакомое, чужое, непредсказуемое пространство, где единственной опорой, единственным связующим звеном с миром логики и здравого смысла оставалась трехцветная кошка Ка-Це. Да и та, честно говоря, вела себя как-то подозрительно.

Кошка смотрела на хозяина лукавыми глазами и... улыбалась. Потом подмигнула. Первое, что вспомнилось Антону, первое, что пришло в голову, – улыбка Чеширского кота

из сказки Льюиса Кэрролла. Но Ка-Це улыбалась иначе. Конечно же, Антон никогда не видел живого Чеширского кота – только в парочке экранизаций да в нескольких мультфильмах, снятых по мотивам «Алисы». Сравнить улыбку обычной кошки и легендарного героя из Страны чудес можно было лишь умозрительно, в, так сказать, философическом аспекте. Но Антон тем не менее был уверен: Ка-Це улыбалась иначе, не так, как Чеширский кот.

Как известно, Чеширский кот улыбался всегда, а когда телепортировался, растворяясь в воздухе, то оставлял лишь призрак улыбки – без рта, без зубов. Ка-Це ранее никогда не улыбалась, так что ее нынешнее мимическое действие не столько располагало к доверительному общению, сколько настораживало и даже пугало. При этом все обязательные атрибуты улыбки – и кошачья пасть, и маленькие острые кошачьи клыки – все это было на месте. Очень реальная была улыбка – не призрачная улыбка Чеширского кота, не загадочная улыбка Джоконды – вполне себе человеческая улыбка, которая на кошачьем «лице» смотрелась дико и неестественно.

Антон вздрогнул. Может быть, потому что, войдя с осеннего холода в теплое жилище свое, набирался тепла, отдавая холод. Кошка подмигнула другим глазом и повела улыбающейся мордочкой слева направо, вдоль стен холла – то ли сама была удивлена странным переменам, то ли, наоборот, приглашала выбрать одну из дверей, открыть ее и войти в неведомое.

– Через десять дверей в родном доме, – внезапно вспомнил Антон слова песни-заклинания, что пропел ему во дворе фей Ерофей. Антон произнес эти слова неслышно – даже не шепотом, одними губами, но Ка-Це, казалось, все-таки разобрала беззвучный лепет и согласно кивнула головой. Либо Антон попросту потерял связь с действительностью и теперь наделял обычные движения животного неким человеческим значением.

Закончилась Ерофеева ночь, но не закончились чудеса с восходом солнца. Не лежать Антону на диване, не натягивать плед под самый подбородок, не смотреть телевизор, потихоньку забываясь спасительным сном. Да и взошло ли солнце? Или время замерло в тот самый миг рождения зари, в то неуловимое мгновение между сумерками уходящей ночи и светом наступающего дня? Антон почувствовал, что подкрадывается такая знакомая, такая неясная обида. Выглянуть бы в окно, убедиться бы, что ночь позади, но не было больше в холле окон, чтобы узнать, а были двери, одни сплошные двери. «Десять дверей в родном доме».

– Мне в одну из них? – обреченно спросил Антон.

Ка-Це снова кивнула – по-прежнему молча, но зато отчетливо – так, что не оставалось больше сомнений: все она понимает, хоть не произнесла до сих пор ни слова.

– В какую из них? – Антон обвел двери взглядом. Все они были одинаковы, не различались ни размером, ни цветом, ни фактурой. Как сделать выбор?

Ка-Це покрутилась на месте, как делала всегда, стараясь уместиться поудобнее на теплом пледе в ногах у кого-нибудь из хозяев. Покрутилась и замерла – мордочкой к той двери, что прежде была у нее за спиной. В том доме, в котором привык жить Антон, эта дверь, первая слева, вела на кухню. Куда она вела теперь, одной Ка-Це было известно.

– Ну что ж, – пожал плечами Антон, – первая так первая. Ничем не лучше других. Но и не хуже.

И, быстро проследовав в предложенном кошкой направлении, решительно взялся за ручку.

ЧАСТЬ 2. МИР ДВЕРЕЙ

*Только люди, которые вступают в сферу таинственного,
открывают двери за дверями тайны и неожиданно
обнаруживают себя не в обычном мире,
который лишен смысла, а в сказочном краю, где все так
значительно, так поэтично, так музыкально, так прекрасно.
Ошо. «Мастер: Размышления о преображении...»*

Глава 7. Зверек Позднолег

Ка-Це вежливо посторонилась, пропуская хозяина. Дверь открылась легко, без скрипа. Антон быстро, чтобы не передумать, шагнул за порог.

– Счастливого пути! – прозвучал за спиной голос фея Ерофея.

Антон обернулся, но на пороге сидела только «куцая» кошечка пестрой масти – сидела и улыбалась. Светлая полоса дверного проема сузилась в нить, после чего и вовсе погасла. Ка-

Це осталась в той жизни – в холле дома на Кисельной, 8. И пусть теперь это было не привычное помещение, а «холл десяти дверей», но Антон вдруг ощутил, что не может набрать воздуха в легкие, – так могуче сдавила горло черная тоска утраты. Переступив за порог, юноша попал в новый мир и оказался при этом в полной темноте. Все прежнее, родное, знакомое осталось там, за порогом, вместе с трехцветной кошкой. Антон стоял, стараясь не шевелиться, и прислушивался к собственным чувствам – пытался распознать в окружавшем его небытии хоть крупичку света, звука или движения.

В черном ничто зародилась маленькая желтая точка. Вновь проснулись в памяти стихотворные строчки про «первую зореньку» из новеллы Альфреда Бестера. «Я в космическом вакууме, а это Венера», – решил про себя Антон, но через минуту понял, что ошибся, – желтая точка обернулась тусклым огоньком ручной лампы. Лампа была какой-то древней конструкции – вместе с ее светом пришли запахи копоти и керосина. Желтое скачущее пятно света выхватывало из темноты мозаичные отрывки изображения, которые темнота через секунду снова жадно поглощала. Антон никак не мог соединить части увиденного воедино. Выходило что-то совсем уж несуразное.

Вот косматые лоскуты звериной шерсти – длинной, как у росомахи или овцебыка (этих животных Антон видел только на картинках и фотографиях, но знал, что у них длинная шерсть). Только может ли овцебык сжимать копытом раскачивающийся керосиновый фонарь? А вот другой обрывок картинки – печальные глаза, совершенно человеческие, совершенно уставшие. Вот уши, торчащие из-под ключев шерсти, острые, как у кошки. Но торчат они не на макушке, а по обе стороны головы, как у человека. Вот босые ноги с большими пальцами гротескной величины. Но нет ни ног, ни тела, нет даже шеи – ступни движутся прямо под подбородком. Рук тоже не видно, однако они есть – спрятались в густой шерсти, в правой – керосинка. Лицо вполне человеческое: полные губы плотно сжаты, но уголки приподняты в подобии грустной улыбки; величественная глыба носа; тяжелые косматые брови... Вот только глаза – мешки под ними спускались каскадами до самых губ, совершенно скрывая под набухшими волнами те части лица, где прилично было бы находиться щекам. Из-за этих мешков мистический лик обретал сходство с физиономией гамадрила, виденного, опять-таки, на фото или в документальных фильмах о природе.

Существо остановилось в полутора метрах от Антона. Керосиновый фонарь качнулся несколько раз и застыл. Теперь круг лимонного света четко вырисовал правую половину лохматого незнакомца, но при этом надежно укрыл его левую половину непроницаемой тенью. Так загадочная фигура стала похожа на Луну в средней фазе, когда линия-терминатор делит лунную поверхность пополам.

Молчали минуту-другую, потом гость из темноты устало вздохнул и произнес:

– Поздно лег.

Антон не разобрал, с какой интонацией прозвучало изречение. Незнакомец мог попросту констатировать факт, говоря о себе, или же задал вопрос и теперь ожидал ответа. Юноша выбрал тот вариант, который показался ему более вежливым.

– Я еще вовсе не ложился, – ответил Антон и на всякий случай улыбнулся.

– Знаю, – незнакомец вместо кивка опустил и вновь поднял тяжелые веки. Действительно, как можно кивнуть головой, если голова покоится не на шее, как положено, а сразу же на огромных ступнях? – Знаю. Ерофей меня предупредил. У тебя, мальчик, очень опытный и заботливый фей.

Антон пропустил мимо ушей нелестное в пятнадцать лет обращение «мальчик». Не то время, не то место и собеседник не тот, чтобы играть с ним в обиженного. Более разумным было бы выяснить, с кем все-таки имеешь дело.

– Меня зовут... – начал было Антон.

– Знаю! – прервал собеседник. – Зовут Антон, папа – Нестор, мама – Нина, проживаешь в доме восемь по улице Кисельной, учишься в выпускном, но так еще и не решил, куда будешь поступать. А пора бы! – вот так, неожиданным наставлением, «лохматый» закончил доклад, который одновременно был похож и на цыганское гадание, и на донесение какого-то частного детектива или агента службы безопасности.

– А Вы?.. – робко спросил Антон.

– А я поздно лег, – собеседник не мог пожать плечами – не было никаких плеч, поэтому он лишь вздернул брови.

– Это заметно, – Антон не выдержал и съязвил: уж слишком впечатлили его невиданных форм и размеров мешки под глазами у незнакомца.

– Шутишь? – незнакомец тоже решил не обижаться на колкости подростка, лишь приподнял уголки полных губ еще выше, устало изображая улыбку. – Все так шутят. Может, потому меня так и прозвали – Позднолег.

– Позднолег – это Ваше имя? – запоздало догадался Антон.

– Именно! – провозгласил собеседник торжественно. – Я – зверек Позднолег! – а после заговорил быстро, немного сбивчиво, как бы оправдываясь:

– А что такого? Что плохого? Чем не имя? Есть же Пеппи Длинныйчулок. Считаю, что Позднолег ничем не хуже.

Антон хотел напомнить, что Пеппи Длинныйчулок – лишь плод фантазии Астрид Линдгрэн, но вовремя осекся: Позднолег ведь тоже не совсем реальный персонаж; во всяком случае, на улицах городка Антон таких никогда прежде не встречал.

– Ничего такого! – поспешил согласиться Антон. – Может, Вас прозвали Позднолег за то, что Вы поздно ложитесь спать?

– Я вообще не ложусь спать, – проворчал Позднолег и неожиданно продекламировал:

*Если ребенок с поэзией дружен,
Сон для него абсолютно не нужен!*

Антон смутно помнил эти строки – они звучали в каком-то мультфильме. Но причем тут этот лохматый зверь? На ребенка он уж точно похож не был.

– Да, я Позднолег, – задумчиво повторил зверек. – И я твой гид в мире дверей.

– В мире дверей? – переспросил Антон.

– Ты же направляешься к мечте? – подозрительно прищурился Позднолег. – Ерофей все правильно мне объяснил?

– Все так, – подтвердил Антон, хотя сам чувствовал, как неуверенно звучит его голос.

– Тогда идем за мной! – успокоился Позднолег и, развернувшись, двинулся в том направлении, откуда появился. – По пути проясню, что смогу, – но тут же добавил:

– Исключительно в рамках того, что тебе положено знать.

Странная пара поплыла в темноте: впереди – огромная остроухая голова в половину человеческого роста, покрытая густой звериной шерстью, с керосиновым фонарем в невидимой руке; за ней – пятнадцатилетний подросток в синих затертых джинсах, в синем же стареньком свитере и в домашних тапочках.

– Я и сам-то не все знаю, – говорил Позднолег, не оборачиваясь, как бы через плечо, но мы же помним, что никаких плеч у существа не было. – Что я? Вся жизнь моя ограничена, замкнута между вот этими вот дверями, – зверек повел слева направо массивной глыбой носа, очертив периметр, по которому должны были бы располагаться невидимые в темноте загадочные двери. – Это Вы, охотники за мечтой, приходите оттуда, – Позднолег дернул носом за спину, – зеленые, бестолковые. Уходите туда, – проводник указал носом вперед, – повзрослевшие, поумневшие.

Позднолег остановился, обернулся и внимательно посмотрел на юношу уставшими глазами. Сказал с нажимом на каждом слове, со значением:

– Стоить признать, уходят не все – один из десяти.

– А что происходит с девятью остальными? – спросил Антон не без испуга.

– Остаются, – Позднолег то ли измученно улыбнулся, то ли скривился от боли. – Вот за этими дверями и остаются. Каждый за своей. Здесь очень просто заблудиться.

– Разве Вы не помогаете отыскать дорогу? – удивился Антон. – Вы же сами сказали, что Вы мой гид в мире дверей.

– Ты бывал на экскурсиях?

Антон кивнул – они каждый месяц ходили с классом и классным руководителем на экскурсии по музеям, бывали в театрах, отправлялись в пешие прогулки по городу, иногда выезжали в другие города или за рубеж.

– И всегда исправно следовал за гидом?

Тут Антон был вынужден покачать головой: вряд ли парню удалось хоть раз выслушать сопроводительную лекцию экскурсовода от начала до конца – уж слишком велико было желание отделиться от медленно ползущей за экскурсоводом группы и «включить шестую передачу». Про «шестую передачу» в соответствующих случаях говорил Нестор Иванович, отец Антона. Теперь Нестор Иванович был человеком солидным, директором медийного канала, ездил на серьезной машине с личным водителем, но в гараже до сих пор пылился старенький байк – кастом по кличке «Змей», который давно уже стал семейной реликвией. У «Змея» была пятиступенчатая коробка передач, так что «включить шестую» означало «действовать быстрее положенного» или даже «быстрее возможного».

– Вот видишь, – печально закончил Позднолег. – Здесь такая же история. Никто не слушает гида. Но ты не переживай. Ерофей – опытный фей, в нужный момент найдет возможность напомнить о себе, сумеет уберечь от глупых решений.

Кто-то зашевелился в темноте – вроде бы далеко, но при том же где-то совсем рядом. Антон почувствовал, что за ними наблюдают из непроглядной толщи мрака. Стало жутко, по коже побежали мурашки. Позднолег настороженно замер на секунду, но тут же заторопился:

– Поспешите! Живее! Тебя заметили!

– Кто? – спросил Антон на бегу.

– Беги! – почти закричал лохматый гид и мотнул керосиновым фонарем куда-то вперед. Фонарь от этого движения фыркнул и погас, но Антон уже видел перед собой тоненькую полоску света. Еще несколько скачков – и полоска света очертила прямоугольник двери. За спиной завозились, раздался писк, похожий на крысиный. Антон не стал задерживаться – бросился вперед и схватился за дверную ручку.

Глава 8. Зимнее утро

Захлопнув дверь, Антон отгородил себя от черной жути – шевелящейся, пищашей, пропахшей копотью и керосином липкой непонятной жути. Где-то там, в опасной темноте, остался странный гид – остроухая голова, покрытая длинной шерстью, на огромных босых ступнях. Совершенно дикое с виду существо. Но, по всей видимости, доброе, зла никому не желающее. Зверек Позднолег.

И был там еще кто-то – недобрый, грозный, умеющий видеть сквозь тьму. Этот кто-то хотел причинить Антону вред, но был остановлен лохматым гидом. Теперь там, во мраке, за дверью, зверек Позднолег отважно вел бой с таинственным врагом, защищая Антона, своего подопечного. А сам подопечный трусливо спрятался за спасительной дверью. Как это подло, как это недостойно...

Надо вернуться. Антон собирался с духом, но ужас не отступал. Как же страшно! Но надо вернуться – иначе нельзя. Нельзя начинать путь к мечте с трусливого бегства. Не оборачиваясь, чтобы вновь не поддаться панике, чтобы не споткнуться о пугающую тьму, Антон нащупал за спиной дверную ручку. Дверь скрипнула.

Юноша обернулся и огляделся. Перед ним знакомое помещение – холл дома на Кисельной, 8. Только теперь это был холл второго этажа. Пестрая Ка-Це разлеглась на верхней ступеньке лестницы, что ведет вниз, на первый этаж. Там, внизу, на кухне, мама гремит посудой. Наверняка что-то готовит.

- Антон! – точно, это мамин голос.
- Что-о? – протяжно откликнулся Антон.
- Завтракать будешь?
- Чуть позже, мама!

Антон думал. За последнее время он успел немного привыкнуть к странностям, что творились с ним, и почти уже не удивлялся неожиданным поворотам и событиям. Говорящий пес, улыбающаяся кошка, двери, которые закрываются и открываются по собственному хотению и ведут туда, куда им вздумается, зал, меняющий очертания и тем самым нарушающий все пространственные законы, лохматый проводник в неудобной темноте – на такие части распался привычный мир. Но все эти части все же были соединены какой-то хитрой связью, необъяснимой, но все же существующей в рамках своей абсурдной логики. Теперь же таяли последние снежинки здравого смысла.

Завтракать? Значит, сейчас утро. Мама дома, папы нет. Скорее всего, на работе. Значит, будний день. Будний день, а в школу не нужно. Значит, каникулы. Глянул в окно над лестницей. За окном – снег. Валом валит, как это редко бывает в их южном приморском городке. Падает хлопьями и сверкает в лучах утреннего... да нет же! почти уже дневного солнца. Ну да, все верно: Антон любит спать до полудня. Раз снег, то каникулы зимние. Интересно, Новый год уже был?

И все это было бы замечательно, если бы не одно «но»: нынче разгар октября, а конкретно – семнадцатое число, Ерофеев день. Это значит, что за окном падать должны не белые снежные хлопья, а желтые листья. Это значит, что мама не должна готовить на кухне, а должна пить пиво вместе с папой в одной из тех держав, что славятся пивоваренными традициями. И наконец это значит, что сейчас глухая ночь и Антон должен мирно посапывать в своей кровати или на диване в гостиной, а не шуриться от солнечного света, стоя на пороге библиотеки.

Может, вот оно – логичное объяснение всему? Может, это просто сон, отчетливый и реалистичный сон, навеянный беснующимися лешими, которые и сами собираются залечь в спячку на всю зиму? Отыскав оправдание всем странностям и нелепостям сегодняшней ночи, Антон несколько успокоился, но все равно ощущал себя этаким принцем Корвином из Янтар-

ного королевства, что растягивает и сжимает время, путешествуя между отражениями миров. Только перебраться из Тени в Тень Антону помогают не карты судьбы, как в известной серии романов Роджера Желязны, а обычные межкомнатные двери.

Антон пребывал в растерянности. Он абсолютно не знал, что делать. И прежде нередко – особенно в период каникул – приходилось искать ответ на этот революционно-демократический вопрос. Вот только раньше вопрос «что делать?» звучал для Антона так же, как и вопрос «чем заняться?» – не было разницы. Антон никогда еще не оказывался в ситуации самостоятельного выбора, не должен был изобретать решение для тех задач, что ставила перед ним жизнь. Школьные задачки по математике – не в счет. Мама решала за него, что надеть, чем позавтракать и когда ложиться спать. Школьные учителя определяли, сколько времени проведет он вечером за уроками. В каком заведении пить пиво, какие песни играть на гитаре, на какой фильм, на какой концерт пойти – все эти сложнейшие контрверзы обсуждались сообща, и вердиктом становилось коллективное мнение «стаи». Само же мнение подростковой «стаи», в свою очередь, формировал вездесущий серый маг – интернет.

Теперь же вопрос «что делать?» замерцал в совершенно ином ракурсе. Привычное и необычное, сказка и быль смешались в причудливый клубок. Пространство и время пустились в пляс и научились выкидывать странные фокусы, настолько странные, что даже мысли теряли опору и начинали испуганно метаться в этом своенравном, нелогичном мире. Антон однажды пережил землетрясение – слабое, неопасное, но все равно ощущения были не из приятных. Под ногами пришла в движение сама Земля, прочное перестало быть прочным, стабильное – стабильным. Рушилась вера в основы основ, и это было жутко. Так вот, теперь, стоя на пороге библиотеки в родном, отчем доме, Антон переживал то же состояние. И при этом совершенно не знал, что делать, что предпринять, как быть дальше. Спасительное предположение, что это всего лишь обычный сон, больше не работало.

Как ни в чем не бывало спуститься на первый этаж, пожелать маме доброго утра и, набрав на тарелку горячих бутербродов с колбасой, помидорами и сыром, усесться в столовой у включенного телевизора? Или тихонечко пробраться в нижний холл и незаметно обследовать его на предмет лишних дверей? Или, вспомнив, что так еще и не спал в эту осеннюю ночь, которая так неожиданно сменилась зимним утром, завалиться в кровать здесь же, в спальне на втором этаже?

Но не хотелось ни есть, ни спать, ни – тем более – разговаривать с мамой. О чем сейчас можно разговаривать, если у мамы уже зима, а у него, Антона, еще осень? Что могло произойти в эти два-три «вырезанных» из жизни месяца? Кроме того, Антон уже и сам зажегся этой призрачной целью – желтой утренней «звездой» Венерой. Юноша желал двигаться дальше. Но не знал, как. Что же делать? Где же ты теперь, лохматый гид зверек Позднолег? Где же ты, говорящий маламут фей Ерофей? Где вы, сказочные советчики? Кто же еще, как не вы, подскажет дорогу в этом сошедшем с ума буйстве пространственных и временных сбоев, скачков, отклонений, аномалий?

И Антон поступил так, как всегда поступал, если вопрос «чем заняться?» ставил его в тупик, – вернулся в библиотеку, к рабочему столу, и включил компьютер.

Когда-то, в детстве, Антон посмотрел древний фильм, который назывался «Сказка о потерянном времени». Злые волшебники отбирали у детей все «потерянное» время – те часы, что нерадивые шалуны проводили в бесцельных играх, забавах, прогулах уроков – и превращали мальчиков и девочек в стариков и старух. Сами же молодели, вновь возвращаясь в детство. Эх, не ведали – не знали в те времена авторы этого забавного фильма, что такое компьютер, подключенный к интернету!

Недаром небрежный, равнодушный гений, что породил и воспитал этого могучего зверя – интернет, сам же и прозвал свое детище всемирной паутиной. Теперь злым волшебникам можно расслабиться: нет больше необходимости бегать за каждым проказливым мальчишкой,

за каждой шаловливой девчонкой и собирать по крупицам потерянное время. Миллионы девочек и мальчиков, девушек и юношей, женщин и мужчин по всему миру, опутанные прочными липкими нитями многолико-безликой сети, в оцепенении сидят, положив пальцы на клавиатуры, устремив невидящие взоры в экраны, и серый маг Интернет, как мощный насос, выкачивает терабайты потерянного времени, переправляя их в ненасытные чрева неведомых хозяев-пауков.

Компьютер был не новый: небольшой плоский экран, архаичный системный блок в ногах, под столом, куча сплетенных проводов, ведущих от блока к монитору, электросети, роутеру, сканеру, мыши, клавиатуре. Прошлый век. Но начинку аппарат имел вполне годную, пусть не во всем отвечающую актуальным требованиям, но все же способную обеспечить практически без «подвисаний» доступ к нужным ресурсам, воспроизведение выбранных фильмов, функционирование большинства игрушек.

Оживала машина долго, как бы нехотя, мерцала огоньками, разгоняла диски, прогревала внутренности. Наконец операционная система встретила Антона вежливым «Добро пожаловать!», на экране торопливо выстроились в несколько шеренг цветные ярлычки программ. Антон вздохнул с облегчением: индикатор сети демонстрировал пять рисочек из пяти возможных. Доступ к интернету был открыт.

Запустив привычный браузер, Антон откинулся на спинку кресла – он ждал, когда проявятся, наберут силу все многочисленные закладки. Что делать дальше, юноша представлял смутно. Скорее всего, он забудет сейчас в поисковик что-то вроде: «Где ты, зверек Позднолег?» или «Отзовись, фей Ерофей!». А может, попросту спросит у всезнающего интернета, где находится следующая дверь на пути к мечте.

Какая она там по счету из «десяти дверей в родном доме»? Антон задумался. Первая дверь привела путника в царство тьмы. Здесь, в потайной кладовке Вселенной, обитал грустный, но такой добродушный гид Позднолег. Здесь же скрывалось опасное, агрессивное нечто, от которого Антону удалось спастись за второй дверью. А Позднолег со своим бессильным, погасшим керосиновым фонариком остался там, во тьме, – защищать своего подопечного. Может быть, даже ценой собственной жизни.

Итак, Антон будет искать третью по счету дверь.

Требовательно загудел вызов скайпа. Антон, не раздумывая, подвел указатель мыши к маленькому значку камеры – ответить с видеоизображением. С экрана монитора на юношу взирали грустные заспанные глаза лохматого гида.

– Жив? – ровно спросил Позднолег.

– Жив?! – радостно выдохнул Антон.

Глава 9. Пол, потолок и бутерброды

– Ты в безопасности, – попытался успокоить Позднолег разволновавшегося Антона. Правда, тут же внес поправку, которая свела на нет все старания:

– На некоторое время в безопасности.

Конечно же, Антон все еще не мог прийти в себя от ужаса, пережитого в темноте за дверью. Но сейчас его тревожил и другой вопрос:

– А ты? Как там ты? – юноша искренне переживал за судьбу гида.

– Со мной все в порядке, – зверек чуть отстранился назад и горделиво приблизил к зрачку камеры солнышко керосинки, как бы демонстрируя: фонарик горит, значит, все хорошо. Антону этот жест показался пронзительно трогательным. Так огромный маламут Ерофей (будучи еще обычной собакой) приносил, чтобы похвастаться или поделиться, свое единственное сокровище – резиновую косточку-игрушку, что хозяева подарили ему в годовщину. Косточка была такой же ярко-желтой, как и огонек керосинки.

– Не пострадал? – спросил Антон для верности.

– Ни чуточки, – Позднолег покачал головой. Из-за некоторых особенностей телосложения это движение вышло у гида весьма забавно: Позднолег стал похож на детскую куклу-неваляшку, переваливающуюся из стороны в сторону. Антон невольно улыбнулся, но зверек даже не заметил этой бестактности.

– Да и что со мной станет? – непринужденно продолжил Позднолег. – Не на меня же охота! – и тут же осекся, уразумев, что сболтнул лишнее. Но было поздно – Антон услышал.

– Охота? – вновь встревожился парень. – На меня? Да кто же это был-то? Что за зверь?

Антон почувствовал, как страх от самой макушки мерзлой волной побежал вниз и попытался забраться в мохнатые овечьи носки с вышитыми оленями. Эти носки Антон надевал в переломные дни осени, когда котел в доме топить было еще рановато, но сырость октября уже пыталась проникнуть в жилые комнаты, надевал и носил несколько дней подряд, не снимая даже в постели. Антону было страшно, и вполне естественным желанием казалось выяснить, какова же причина этого страха. Кто же объявил охоту на невинного (ну, почти невинного) подростка?

Но гид теперь был собран и неколебим.

– Не думай об этом, – строго приказал он. – Если справишься, то никогда и не узнаешь. Давай-ка лучше я тебя введу в курс дела. Настолько, насколько позволяют служебные обязанности и фундаментальные ограничения.

– Что за фундаментальные ограничения? – поинтересовался Антон.

– Путник, направляющийся к мечте, кое-что должен знать сразу. Это и есть фундамент. Его-то и поможет заложить гид, то есть я. Иначе сам путь был бы невозможен, а я был бы не нужен. А кое-что путник должен познать самостоятельно, в дороге, методом проб и ошибок. Набить, так сказать, собственные шишки. Вот это и есть те самые ограничения, – пояснил Позднолег.

И на этих словах неожиданно замолчал, прижал палец к пухлым губам, многозначительно дернул головой назад и повел бровями, обращая внимание собеседника на кого-то, находящегося за спиной. За спиной зверька не было никого – темнота. А вот в дверях библиотеки стояла Нина, мама Антона. И как только сумел лохматый экскурсовод обнаружить вторжение в их приватную беседу, если экран монитора был направлен к окну, в сторону, противоположную двери?

– С кем разговариваешь? – спросила мама не строго, с улыбкой.

– С друзьями. Обсуждаем уроки, – Антон не любил врать маме, но иногда приходилось – по поводу сигарет, пива, израсходованных на что-либо «несерьезное» денег, потраченного

на ерунду времени или тех же якобы сделанных уроков. Правда, папе Антон не любил врать еще больше, поскольку получалось как-то вовсе не убедительно. Как, собственно, получилось и в этот раз. Мама и не поверила.

– Уроки? – Нина покачала головой – намного изящнее, чем Позднолег. – За два дня до Нового Года? Кому ты рассказываешь?

Антон взял на заметку: вот, значит, какое сегодня число – то ли двадцать девятое, то ли тридцатое декабря, в зависимости от того, посчитала мама сегодняшний день или нет. И тут же догадался глянуть на компьютерные «часики» в правом нижнем углу монитора. Двадцать девятое.

– Бутерброды принесла. И чай, – объявила мама и поставила на рабочий стол тарелку с ломтями хлеба, колбасы, помидоров и дымящуюся чашку чая. Да-да, Антону разрешали принимать пищу в библиотеке – вот такой разбалованный ребенок. – И не отказывайся! Давно пора завтракать. – Мама сделала строгий вид. – Уже обедать скоро будем, а ты еще и не спулся. И не важно, что ты поздно лег.

Это сочетание слов теперь звучало для Антона исключительно как имя нового знакомого. Вышло забавно – юноша расплылся в улыбке. Мама улыбнулась в ответ.

– Вот и ладненько, – кивнула Нина. – Засчитаю вместо «спасибо».

Мамины шаги удалились вниз по лестнице. На кухне вновь загремела посуда, заструилась из крана вода. Мама была добрым домашним ангелом, привычно, а потому незаметно решающим будничные хозяйственные вопросы. Все домочадцы были накормлены, одеты в чистое; счета по коммунальным платежам оплачены, дом прибран, постели застелены; мыло, шампуни и туалетная бумага – всегда в наличии. Но такова уж доля всех ангелов – мало кто умеет разглядеть их ангельское присутствие и оценить их ангельскую работу. Что уж требовать невозможного от пятнадцатилетнего подростка? Антон воспринимал заботу матери – иногда (чего скрывать?) даже чрезмерную – как дело житейское, как нечто непреходящее, разумеющееся само собой.

Мама ушла, и Позднолег на экране вновь ожил.

– Как ни разбегайся, одним прыжком на Венеру не запрыгнешь, – изрек наставник с важным видом. – Мир Дверей – это, так сказать, цокольный этаж. Если все выстроишь правильно, то можно будет приступить к возведению стен этажа первого.

– А если ошибусь?

– Ошибаться можно. И даже нужно, – успокоил Позднолег. – Потому и мир Дверей, что все они для тебя открыты. Как не ошибиться, когда такое множество дорог, а значит, и соблазнов? Твоя способность, твое право, твоя обязанность, наконец, – открывать каждую дверь, что встретится в пути. Вот только помни, что тот, кто умеет дверь открыть, может, порой случайно, сам того не желая, эту же дверь и захлопнуть. А захлопнутая дверь превращается в стену.

– Дзен-буддизм какой-то, – поморщился Антон. – Двери открытые, двери закрытые, стены. Нельзя проще? Без метафор и аллегорий?

– Ты это говоришь мне? – устало улыбнулся Позднолег. – Сказочному существу, живущему в темноте меж дверей? Без метафор и аллегорий я не умею. Можно сказать, что я сам метафора и аллегория.

– Хорошо, – смирился Антон. – Давай с метафорами. Только более конкретно. Что мне делать дальше?

– Будет потолок, – хитро прищурился Позднолег, – так будет и пол. Сегодняшнее небо завтра станет землей.

– Что это значит?

– Возьми высоту сегодня, получишь опору завтра, – пояснил гид.

– Нужна промежуточная цель? – догадался Антон. – Мечта в миниатюре?

– Умный мальчик, – тихо восхитился лохматый собеседник. – Так какова ближайшая веха на твоём пути? Каков первый ориентир?

– Окончить школу? – попробовал угадать Антон.

– Да ладно! – Позднолег качнул керосиновым фонариком. – Разве это цель? Это ж как нужно исхитриться, чтобы ее, школу, не окончить? Это все равно что поставить себе целью дожить до семнадцати лет. Не цель это, а так, положение стрелок на часах. Шире думай, смотри дальше, глубже бери. Школу не просто так оканчивают. Из пушки в небо не стреляют. Прицелиться нужно, зафиксировать, так сказать, в перекрестии. Что фиксировать будешь?

– Институт? – Антон предпринял вторую попытку и – угадал!

– Я же говорил: умный мальчик! – обрадовался Позднолег. – Первый шаг к профессии – поступление в институт. А будущая профессия – отличный потолок и замечательная прочная основа для следующего прыжка. Что нужно делать, чтобы поступить?

– Выбрать вуз и готовиться, – вздохнул Антон. Позднолег не открыл никаких Америк – обо всем этом неоднократно велись беседы в семейном кругу. Но теперь все прозвучало как-то по-другому. Кто же слушает папу и маму? Другое дело – сказочный лохматый экскурсовод со смешным именем.

– На сегодня все, спектакль окончен, – Позднолег повел фонарем, как бы закрывая невидимый занавес. – Выбирай и готовься. И, да! Не ложись поздно, соблюдай режим. Не выпавший сегодня школьник – это завтра непутевый студент. А непутевый студент – это плохой специалист. А плохой специалист – это обуза обществу.

Нанизав такое вот логическое ожерелье, Позднолег повернулся спиной к «камере». Прозвучал сигнал отбоя, программа связи закрылась сама собой. Некоторое время Антон задумчиво смотрел на заставку операционной системы. Потом собрал пирамидку из ломтиков хлеба, колбасы и помидоров. Сжав бутерброд в левой руке, он решительным движением правой руки «пришпорил» мышь и открыл окно поискового ресурса.

Что ж, будем выбирать и готовиться. И начнем прямо сейчас.

Глава 10. «The Doors»

Вот уже третий час Антон сидел, раскрыв дневник со школьными заданиями, обложившись учебниками, тетрадями, конспектами, альбомами, распечатками графиков и диаграмм. Как ни странно, все страницы дневника были заполнены размашистыми подростковыми птицами букв, и Антон с удивлением узнал собственный почерк. Как будто бы между осенними и зимними каникулами каждый день был прожит и зафиксирован во всех документах, представляющих для каждого ученика строгую отчетность.

«Интересно, как я закончил полугодие?» – улыбнулся про себя молодой человек. И тут же, открыв дневник на последней странице и глянув в таблицу, с некоторым удивлением обнаружил, что первый семестр закончил не так уж плохо. «Умница!» – похвалил Антон сам себя и вдруг понял, что все это неправильно, странно и даже глупо. Не должно быть так; не должно и недолжно. Два месяца выпали из его жизни... И вновь вспомнил «Сказку о потерянном времени».

Но жизнь продолжалась – жить нужно было дальше. Антон сам невольно улыбнулся такому дикому предложению: «жизнь – жить», «продолжалась – дальше». Вот только запомнил, как называется такое языковое явление, нагромождение однокоренных слов: плеоназм это или тавтология. Тут же посмотрел в интернете и тут же запутался во всяких семантических и синтаксических терминах. И решил оставить решение этого вопроса на потом: вот станет филологом и «прозреет».

Кстати, вопрос «кем стать?» Антон рассматривал с разных сторон, поворачивал разными гранями, пытался собрать, как кубик Рубика. Трудился честно, обдумывал выбор будущей про-

фессии, но не осилил. И нашел компромисс – определил для себя несколько наиболее перспективных путей. Перспективных, конечно же, не в финансовом аспекте.

Антон не задумывался пока о том, что этот мир рано или поздно развивает в человеке стремления меркантильные. Нет, само собой, понимал, что нужно будет со временем обеспечивать себя, жену, детей; поддерживать родителей. Но мир бывает коварен, и человек, сам того не замечая, вдруг обретает жажду к роскоши и накопительству.

К счастью, юноша был надежно защищен от такой напасти атмосферой в семье, беседами с отцом, прочитанными книгами... Защищен навсегда ли?

А пока Антон выбирал будущую профессию, руководствуясь сугубо личными интересами: чем душа тешилась. Оказалось – как ни странно – что душа тешилась весьма немногим: книги, компьютер, музыка, фильмы, хорошее вино, сноуборд, пес Ерофей...

Как он там, пес Ерофей? Антон встал из-за рабочего стола, потянулся, отодвинул тяжелую зеленую штору и выглянул в окно библиотеки, что выходило во двор дома на Кисельной, 8.

Ерофей был на месте: спал на утрамбованном снегу, присыпанный снежинками. Белые узоры на черной шубе. Как лаконичная картина японского живописца, например, самурая Миямото Мусаси, выполненная всего несколькими уверенными мазками. Антон улыбнулся и вернулся за стол – к учебным занятиям. Хотя буквально через минут сорок занятия перестали быть учебными.

Первым (потом в этот день были и другие звонки, смс, чаты, переписки) позвонил «неформал» Юрий. Так одноклассника называли все, включая учителей. За совершенно невозможную прическу и пробитые массивными «туннелями» мочки ушей.

– Сделал математику? – спросил Юра, даже не удосужившись поздороваться.

– Работаю над этим, – почти честно признался Антон. «Почти», потому что сейчас шла активная работа над рефератом по истории, а математика была отложена на потом, ввиду непомерной сложности заданий.

– Как доработаешь – звони, – попросил Юрий, но и не подумал отключиться от видеообщения. Юрий молча посидел, глядя в камеру, после чего многозначительно спросил:

– Досмотрел до конца?

Антон без лишних слов понимал, что речь идет о новом культовом сериале, который он никак не мог досмотреть, потому что два месяца назад вышла только третья серия сезона. И вдруг неожиданно понял, что досмотрел. Как это вышло? И новое осознание накрыло волной: а ведь и школьные дисциплины были Антоном освоены. Пусть кое-как, но освоены. Да и все события этих выпавших дней отнюдь (ох уж это аристократическое воспитание!) не были потерянны для Антона.

– Так досмотрел? – спросил Юрий с равнодушной настойчивостью.

Антон кивнул. Ладно, после разберемся в этом парадоксальном поведении времени, в этих шутках фея Ерофея, в баловстве, которое устроил зверек Позднолег в своем мире. На то он и мир Дверей, чтобы удивлять.

– И как тебе концовка? – спросил Юрий, но тут же переключился на другую тему. – Нашел потрясающую игрушку, стратегию. Сейчас скину ссылку.

Такова природа нынешнего общения между людьми. И не важно, ребенок ты, подросток или взрослый. Мы задаем вопросы, которые интересуют только нас, но совершенно не желаем выслушивать ответы. Зачем? Ведь свое мнение мы уже сложили. Причем сложили это «свое» мнение из комментариев в социальных сетях, на форумах, под постами, трансляциями, клипами, фильмами. Все современное творчество направлено исключительно на то, чтобы вызывать очередные всплески общественного мнения, направлять их в нужное русло и превращать в комментарии. Яркое социальное противоречие: мы не желаем чужих мнений, поскольку уже сложили свое из чужих мнений. Хотя мало кто видит в этом противоречие.

Юрий легко перескочил на другую интересующую его тему, не отработав предыдущую. Грустную улыбку вызывает иногда такое «умение» вести беседу. «Придешь в кино? – Приду. – Ждем! – И где вы? – Решили в кафешку заскочить, там и застряли. – А кино? – Отпадает сегодня. Завтра ходим. – А позвонить могли, предупредить? – Та заболтались». И завтра снова на том же месте в тот же час. Не слышим друг друга, не слушаем. Абсолютное неумение понимать собеседника даже в мелочах. Так откуда же взяться умению сообща решать сложные вопросы?

– Скинул! – радостно сообщил Юрий. – Зацени!

– Уроки, – попытался слабо отбиться Антон.

– Успеешь! – Юрий голос в один миг наполнился вселенским равнодушием, как наполняется безразличием душа многих подростков, которым напоминают про бренность бытия и монотонность, рутинность повседневной работы, корпением над учебой, а значит, работы над самим собой. – Не хочешь игру (а Юра именно так оценил нежелание Антона открывать ссылку), глянь тогда вот этот клип.

И Антон глянул, потом еще и еще. Потом сам стал сбрасывать «в тему». Ссылки сыпались с обеих сторон, открывались и закрывались. А иногда висели балластом, потому что уже были забыты и потеряли актуальность. Окна множилось одно за другим, выстраиваясь в ряды, создавая хаос в браузере. Мама дважды приходила звать Антона на ужин – хотела вместе, по-семейному, но Антон был занят. Он был занят уроками, когда слышал мамины шаги на лестнице, и вновь занят всепоглощающим потоком приходящей информации, когда Нина удалялась. В конце концов, мама сдалась и принесла дымящийся ужин, приборы, графин с холодным чаем и стакан сыну в рабочий кабинет.

И нельзя сказать, что поступающая информация была такой уж бесполезной. Клипы чередовались с достаточно серьезными фильмами, ссылки на «приколы» вступали в сражение с биографиями исторических личностей, музыкальные треки чередовались с цитатами философов. Другими словами, оба, и Юрий, и Антон, были нормальными подростками своего времени, чье мировоззрение формируется именно так. В семье Антона это понимали и потому особо не давили на сына, просто старались иногда подсказать ту или иную книгу или фильм.

Эта «перестрелка» сносками на интернет-ресурсы порой могла продолжаться до «часа быка», как любил говорить папа, то есть до часу-двух-трех ночи. Конечно же, Антон залез в интернет, а потом даже прочитал роман «Час Быка» Ивана Ефремова. И даже был рад знакомству с творчеством этого автора. Потом опробовал «Таис Афинскую», начал скучать на втором томе «Лезвия бритвы» и окончательно уснул в «Туманности Андромеды», хотя семейной библиотеке стоял ефремский шеститомник. Не все давалось Антону просто.

Интернет пропал внезапно, как это всегда бывает с интернетом. Даже не так: просто погас экран монитора. И снова не так: изображение на экране сузилось в одну маленькую желтую точку по центру. Желтая точка выросла, оказавшись светом вокруг керосинового фонарика.

– Не помешал? – участливо спросил с экрана Позднолег.

– Да как сказать... – замялся Антон, застигнутый врасплох: только что он смотрел ролик не вполне достойного содержания. Не вполне достойного – лишь по мнению родителей, а все остальное было в ролике вполне достойным внимания Антона.

– Как есть, так и скажи, – грустно улыбнулся Позднолег.

– Помешал, – честно признался Антон.

– Так ты продолжай, – разрешил гид. – Дело молодое. Многое нужно через себя пропустить. Я даже сам тебе ссылку скину.

Внизу черно-желтого экрана загорелся белый прямоугольник чата.

– Что это? – спросил Антон, уже готовясь щелкнуть мышью, чтобы перейти по адресу.

– Не торопись! – вовремя предупредил Позднолег. – Успеешь еще. Когда будешь готов. Это игра.

– Игра? – удивился Антон.

– «The Doors» называется, – подмигнул Позднолег с таинственным видом. – Двери, по-нашему.

– «Дорс»? – разочарованно поморщился Антон. Эту игру он знал хорошо и проходил неоднократно.

– Вернее, – Позднолег замылся, расстроенный собственной ошибкой, – вернее, игра называется «Don't open the doors».

– «Двери, которые нельзя открывать», – тут же перевел Антон.

– Есть двери, которые нельзя открывать, а есть те, которые нужно. А вот взрослых перебивать нельзя совершенно точно, – опечалился Позднолег.

Антону стало стыдно, но лохматый гид уже сменил гнев на милость.

– Играй на здоровье, без меры, как душа захочет. Только о мечте не забывай. И о цели. И поздно спать не ложись.

После чего экран вновь вспыхнул всеми цветами незакрытых програм. И даже забавная мордашка Юрия, патлатая, с дырявыми ушами, все еще висела в окошке скайпа.

– Смотри, что нашел!.. – сообщал Юрий, как бы продолжая предложение, начатое пару секунд назад. И Антон вдруг понял, что если получит от Юрия очередное сообщение, то маленький белый квадратик чата с Позднолегом исчезнет раз и навсегда.

– Уроки! – решительно отрезал Антон и закрыл обиженно всхлипнувшее окошко скайпа. Там где-то математика еще отложена.

Потом подумал немного... И щелкнул ссылку на «Дорс».

Глава 11. Меж дверей

– Торопись-торопись-торопись! – Позднолег тащил Антона за собой по длинному путаному лабиринту. Фонарик-керосинка не горел, хоть и болтался в руке гида бессильной железкой. Тусклое освещение давали желтые лампы со стен. С мрачных и (как понял Антон, скользнув ладошкой по одной из них) сырых стен.

– От кого? Мы? Бежим? – Антон разбросал вопрос на части – по вздохам и выдохам.

Позднолег молча тянул паренька по зигзагам коридоров. Наконец Антон начал выбиваться из сил. И то ли зверек сжалился над своим ведомым, то ли они все-таки сумели достичь нужной цели.

– Здесь, – выдохнул лохматый гид, и от этого дыхания снова вспыхнул керосиновый фонарь. Вновь потянуло запахом гари от паленого фитиля и сжигаемого топлива. Антону теперь нравился этот запах.

Они стояли в небольшом «предбанном», как сказали бы папа с мамой, помещении. А бабушка, которую Антон почти и не помнил, назвала бы этот кубический объем пространства сенями. И тут зверек Позднолег будто бы услышал (а может, и не будто бы?) Антоновы мысли.

– Хоромы кривые, сени лубяные, слуги босые, собаки борзые, – загадочно протараторил он.

– Заклинание? – догадался Антон, вспомнив круги, что навораживал фей Ерофей по дворовому участку. Как же давно это было? Вчера? Два месяца назад? И было ли вообще?

– Не то что бы заклинание, – с неохотой отозвался Позднолег, – но вполне может помочь.

– Да отчего помочь? Зачем мы бежим? – почти разозлился Антон. – Я понимаю, что попал в присланную тобой игрушку, но я хоть должен знать правила игры. Кто наши друзья, кто враги?

– Была такая пародия на один культовый фильм, – начал Позднолег. – И был там один персонаж. На меня, кстати, похож! – вдруг заявил лохматый проводник с заметной гордостью.

– К чему это? – поторопил Антон и тут же осекся, вспомнив, что нельзя перебивать старших.

Позднолег посмотрел на собеседника сурово, но продолжил:

– Звали сего героя Челобака.

– Челобака? – рассмеялся Антон.

– Челобака, – подтвердил гид. – Наполовину человек, наполовину собака. Сам себе друг и сам себе хозяин.

– И? – аккуратно поторопил Антон.

– Так и ты, – пояснил Позднолег. – Сам себе друг, сам себе враг. Помни об этом за каждой дверью. Будешь себе другом – выберешься, будешь себе врагом – застрянешь.

– Но ты же мне поможешь? – не сомневался Антон.

– Намекну, – улыбнулся Позднолег. – Намекну, кто ты себе в данный момент: друг или враг. А уж ты сам будешь решать, оставаться или становиться.

В кубическом помещении была всего одна дверь. И Позднолег повел головой в ее сторону, как некогда повела мордочкой в сторону первой двери в холле родного дома куцая кошечка Ка-Це. Как всегда движение это вызвало в душе Антона добрую улыбку – Позднолег повел головой, но качнулся при этом всем телом.

«Через первую дверь я попал в мир Дверей, – начал вспоминать Антон, – где и познакомился с Позднолегом. Через вторую сбежал от кого-то и оказался в собственной библиотеке. Через третью вошел в „The Doors“. Итак, это...»

– Четвертая? – вздохнул Антон.

– Четвертая, – согласился зверек. – Но не торопись. Здесь мы в безопасности. Это, так сказать, междудверное пространство. Заговоренное! – напомнил. – Успеешь еще. Поговорим? – и качнул фонариком в сторону невесты откуда явившегося табурета. Антон послушно присел. Было на удивление удобно на деревянной крышке, казавшейся такой жесткой на первый взгляд. Еще в крышке было отверстие для руки, чтобы табурет можно было удобно переносить. Кто и куда тут будет переносить табурет при помощи сего отверстия, оставалось загадкой: Позднолег с успехом справился с этой задачей без всяких отверстий.

– Из данной определенной причины необходимо вытекает действие, – неожиданно изрек Позднолег. – Это понятно?

Ничегошеньки Антону было не понятно, но на всякий случай юноша кивнул.

– И наоборот, – продолжил гид, – если нет никакой определенной причины, невозможно, чтобы последовало действие.

– О чем повествует мудрость сия? – не без сарказма спросил Антон.

– Это Спиноза, – просто ответил Позднолег. – Одна из аксиом о боге.

– Ну, я же не бог, – возразил Антон.

– Богом можешь ты не быть, но аксиому знать обязан, – не растерялся лохматый собеседник. – Вернее, не знать, а постараться в ней разобраться. Перед четвертой дверью.

– Поможешь? – безнадежно спросил Антон.

– С удовольствием! – объявил гид и даже изобразил на лице искреннее удовольствие.

С учетом монументальных мешков под глазами, мимический этот жест выглядел забавным.

Антон уселся поудобнее на табурете и приготовился слушать.

– Какова наша данная определенная причина? – гид начал допрос.

– Я стремлюсь к Венере, – монотонно, как на экзамене, начал Антон ответ «на билет». – Это моя мечта, далекая, невозможная, недостижимая.

Экзаменатор довольно кивал.

– По дороге к мечте я должен преодолеть десять дверей, десять... – Антон забыл, что там еще предрекал фей Ерофей, но Позднолег подбадривающим жестом (это, мол, потом) попросил продолжать. – За каждой дверью таятся соблазны, которые я должен преодолеть. Мы должны, – поправился «ученик».

– Кто это – мы? – удивился экзаменатор и попытался округлить глаза. Не получилось – мешки-щеки помешали.

– Я, фей Ерофей и ты.. Вы... ты, Позднолег.

– Во-первых, – зверек добавил в голос нотку снисходительности, – не важно, на «ты» мы или на «Вы». Считай, что у нас демократия. Но только в этом вопросе. Во-вторых, нет никаких «мы». Мечта твоя, идешь к ней ты, и только от тебя зависит, достигнешь ли Венеры или застрянешь за одной из дверей.

– Чтобы достичь мечты, мне нужно ставить перед собой промежуточные цели, – продолжил Антон. – Вот таковой целью и является наша данная определенная причина.

Зверек Позднолег попытался заплодировать, но у него не вышло – то ли от того, что в одной из рук был фонарь, то ли потому что он попросту не доставал одной ладошкой до другой. Тогда экзаменатор решил подбодрить примерного ученика другим способом.

– Bravo! Bravo! – закричал он. – Какая у тебя ныне цель?

– Поступить в институт, – напомнил Антон.

– И что тебе необходимо сделать для этого?

– Подготовиться, окончить школу, сдать документы... – но Позднолег все более мрачнел с каждым ответом.

– Да, все это хорошо, все это правильно, – наконец прокомментировал экзаменатор свое недовольство. – Но чтобы поступить в институт, прежде всего нужно...

– Выбрать специальность! – радостно догадался Антон.

– Именно! – разделил радость Позднолег. – Вот это и есть причина всех твоих дальнейших следствий.

– Действий, – поправил Антон.

– Не важно, – барственно отмахнулся Позднолег. – В общем, мы определились, из какой причины будут вытекать все твои дальнейшие действия-следствия. Не забудь: все твои действия на весь период пребывания в мире Дверей. Забудешь о причине, – и тут зверек поднял керосиновый фонарь в предостерегающем жесте, – и не будет действий. Никаких! Если нет определяющей причины, невозможно, чтобы действие последовало.

– Я понял, – почти честно признался Антон. – Буду помнить, искать и стараться.

В коридоре послышался шорох. Позднолег насторожился, повел огромным носом.

– Не беспокойся, – зверек качнул в сторону двери керосинкой. – Мы в междудверии, а значит, в безопасности. Но тебе действительно пора.

Антон взялся за ручку двери. Дверь находилась в кубическом помещении темного сырого лабиринта, но при этом оставалась точно такой же, как в родном доме: обычной межкомнатной деревянной дверью с прохладной ручкой матово-серебряного цвета, слегка отдававшего золотом в свете ручного фонаря. Антон потянул ручку двери вниз и сделал шаг вперед, за порог.

– Ищи повсюду, – услышал Антон за спиной. – И найдешь.

В глаза ударил свет рампы.

Глава 12. Музыка

Антон прищурился и попытался оглядеться. Первое, что увидел, была гитара. Электрогитара. И гитара была в его собственных руках. Через плечо перекинут ремень, а струны, еще не успев остынуть, держали терцию какого-то мощного рифа. Терцию? Рифа? Откуда ему знакомы эти музыкальные термины? Да и других, ранее незнакомых слов, в памяти оказалось немало: пентатоники, септаккорды, квинты да октавы, транспонирование, каподастры, гитарные слайды. И даже синкопа, царица джаза.

Там, перед сценой, за серой стеной рампы, гремели крики и аплодисменты – бушевал зал. Свет слепил глаза, все, что было по ту сторону света, сливалось в свинцовую копошащуюся массу. И эта масса взымалась пиками рук и буграми голов. И кричала. И аплодировала.

По левую руку стоял патлатый парень с дырявыми ушами, в котором Антон немедленно признал одноклассника Юрку. На Юрке тоже висела гитара, только колков у нее было меньше, всего четыре. Ну, что ты скажешь – басист. Басист Юрка улыбался, совершенно дико скаля зубы, и отчаянно кивал, подмигивал, припрыгивал и постукивал ладонью по деке гитары. Эти странные знаки Юрка посылал то Антону, то в сторону зала.

Еще было много дыма и цветных вспышек стробоскопа. И где-то там, в глубине цветного дыма кто-то сидел за ударной установкой. Неужели Денис? Тихоня Денис, тот, что младше на два класса? Денис лихо крутил палочки и периодически вставал во весь рост, вздымая руки и сводя их богатырскими жестами, – «качал» публику.

Кто-то был там еще, глубоко в сцене, – может, еще один гитарист, может клавишник – не разобрать.

По правую руку были кулисы. За кулисами тоже было немало народу. Все ликовали. Из ликующей закулисной группы Антон выделил двоих: худощего, высокого мужика за пятьдесят, которого (в этом Антон был уверен) звали Дмитрий Габриэль, и невысокую, чуть плотноватую, но вполне изящную девушку Катьку, что училась в классе Дениса. Еще Антон знал, что Габриэль – это прозвище, (ну, или псевдоним, чтобы придерживаться творческого формата); а Катька – это его, Антона, девушка.

Дмитрий Габриэль единственный, кто не прыгал, не хлопал и не совершал никаких иных телодвижений. Получил свое прозвище Габриэль в честь Габриэля Гарсиа Маркеса и его романа «Сто лет одиночества». Дмитрию Габриэлю было за пятьдесят, и он всегда был одинок. Уж такова судьба музыканта.

Так вот, Габриэль просто стоял, вытянув перед собой обе руки, подняв оба указательных пальца вверх. Такой жест был его фишкой, а сам Габриэль был художественным руководителем школьной группы без названия. Вернее, у группы было неофициальное название «Школа №», но его использовали редко, чаще говорили просто «Наша группа».

Наша – потому что школьная группа играла только в школе и больше нигде. Но зато здесь, в школе, группу любили, ценили и позволяли использовать актовый зал для таких вот концертов. Концерты проводили ближе к каким-либо знаковым праздникам, что позволяло администрации школы «не париться» по поводу других номеров и прочей организации.

Насколько Антон понял, концерт был завершен. Все музыканты на прощанье извлекли из своих инструментов финишные звуки. Именно таким финишным звуком и был тот мощный риф в терцию, что до сих пор гудел в пятой и шестой струне.

Потихоньку оживление аудитории в зале спадало, музыканты разошлись по обе стороны кулис. И здесь, за кулисами, после твердого рукопожатия с хударком Антон попал в объятия Катерины. Девушка тут же впиалась в губы парня своими губами.

Было приятно. От всего: от рукопожатий, объятий, поцелуев, поздравлений. От славы, пусть и на школьной сцене. А главное, от чего было приятно, так это от собственного таланта.

Всего за год Антон сумел освоить инструмент на достаточно высоком уровне. Новогодний концерт отыграли на ура.

Стоп! Новогодний концерт. Это значит, что прошел уже год с того самого момента, когда Антон кликнул стрелкой мыши на ссылку, присланную лохматым гидом. Четвертая дверь привела его прямо в шестнадцатилетие. И паспорт теперь у него есть. А как же день рождения?

Нет, Антон помнил свой день рождения, день совершеннолетия. Помнил первую самостоятельную тусу без контроля родителей. Помнил торт, что подарили ему папа и мама. Торт был выполнен в форме гитары, и вместо струн кремом выведена надпись: «День Совершеннолетия». Сверстники тогда еще удивлялись, что, мол, твой отец такой убежденный почитатель Ленина. На что Антон не без гордости отвечал, что, мол, нет, это я такой убежденный почитатель лени. Помнил Антон, как было нехорошо после излишних алкогольных возлияний.

Гитарой тогда Антон уже занимался серьезно – с тем же Габриэлем, занятия проходили почти каждый день. Дом изнывал от душещипательных звуков гамм, первых взятых Антоном аккордов, первых разученных песен. Песни Антон выбирал из «своих», из тех, что пользовались успехом у сверстников. Песни эти для папы и мамы были чужды, но дом на Кисельной (а также некоторые соседние дома) выносил атаку современного творчества стоически. Может, потому что отец, Нестор Иванович, имел солидный педагогический стаж и умел философски относиться к молодежным субкультурам. А мама Нина имела солидный стаж совместной жизни с Нестором Ивановичем и могла философски относиться к очень многим мужским причудам.

Но таким странным казалось, что вот только что, день-два назад, пятнадцатилетний Антон умел разве что играть «Чижика-пыжика» на одной, первой, струне, а сегодня уже выступает в группе и купается в лучах заслуженной славы. Антону стало грустно и тревожно. Попрощавшись с ребятами, он вызвал такси домой.

Здесь, дома, все было по-старому. И даже дверей в холле было привычное количество – в кухню, столовую и гостиную. Осторожно перебравшись из прихожей, через холл, по лестнице на второй этаж, Антон убедился, что родители уже спят. Ну, как спят? Приподнялись на локте, каждый на своем, спросили про то, как отыграл, попросили завтра доложить подробно, и снова забылись сном.

Антон спустился снова вниз, тихонько достал банку пива из холодильника, потом переоделся в «дворовой» костюм и вышел на легкий в этих краях ночной декабрьский морозец – проведать друга. Венера занимала на ночном небе привычное место.

– Ерофей! – негромко позвал Антон.

Через мгновение пес был тут как тут, залихватски вилял хвостом и пытался повалить молодого хозяина здоровенными лапами. Да уж, это тебе не нежные объятия Катеньки.

– А можешь снова побыть феём? – наудачу спросил Антон, открывая с хлопком банку пива.

Пес покосился на пиво, отвернулся было, да потом, видимо, передумал.

– Могу, – и повернулся к хозяину мордой.

– Я, кажется, выбрал, – сказал Антон с тихой улыбкой. Ему действительно казалось, что выбор сделан, а потому на душе наступили покой и умиротворение. А может, такому состоянию способствовала банка холодного пива. Да какая разница?

– Будущую жену или будущую профессию? – поинтересовался фей, как всегда в таких случаях склонив могучую голову набок.

– И ту, и другую, – обобщил Антон.

– Собрался стать музыкантом? – уточнил пес. Антон кивнул. – А может, лучше поэтом? – решил соблазнить пес альтернативным видом творчества.

– Музыкантом, – решил Антон.

– Музыка – лишь одежда для слов, – не унимался фей, на что Антон даже не стал отвечать: что они, феи, понимают в музыке.

– А кем конкретно: исполнителем или композитором? – смирился Ерофей.

– А какая разница? – пожал плечами его юный хозяин.

– Только трудолюбие и каждодневные занятия помогут тебе стать талантливым музыкантом. Исполнителем. Но только лень и свобода сделают из тебя гениального композитора. – Фей, очевидно, решил, что его миссия завершена и стал чесать себя за ухом.

– Вот тут я бы поспорил! – оживился Антон.

– Давай поспорим! – пес тут же вернул в себя фею. – Ты хоть понимаешь все напряжение, что связано с таким путем? Выдержишь ли?

– А что выдерживать?

– Ты понимаешь, что музыка – это не рифы на гитарных струнах. Тебе придется играть на струнах людей, незнакомых тебе мужчин и женщин.

– Сумею, – небрежно обозначил Антон.

– Вот твою нынешнюю подругу зовут Катерина, – Ерофей решил зайти с другого конца.

– Почему «нынешнюю»? – обиделся Антон. – Может, она навсегда?

– Хорошо, – не стал спорить фей. – Твою навсегдашнюю подругу зовут Катерина. Как легко тебе удастся ее отрицание заменить на свое утверждение? Как легко ты можешь преодолеть ее «нет»?

– При чем здесь это? – удивился Антон.

– Да потому что превращать «нет» в «да» – задача мужчины. Превращать «да» в «нет» – задача женщины. Точно так же, как превращать цвет в звук – задача музыканта; точно так же, как превращать звук в цвет – задача художника.

– Загнул ты, фей, – примирительно сказал Антон и отхлебнул из банки.

– Загнул, – тут же согласился пес. – Подумай вот над чем... Слова поэта должны быть пронизаны вышним озарением. Душа музыканта должна быть заложена в ломбард темноты. Только тогда, при совокупности этих качеств, на выходе ты получишь хороший, искренний творческий продукт, будь то оперная ария, будь то эстрадная песня.

– Пойду я спать, – Антон решил прервать этот бессонный разговор.

– Значит, ты решил остаться за этой дверью? – вдруг произнес фей Ерофей таким голосом, что у Антона мурашки побежали по коже. Нет, голос был не грозным, но так, скорее всего, звучит голос судьи высшей инстанции, когда тот выносит решение, которое обжалованию не подлежит.

Антону стало до боли жутко. Да, сегодняшний успех, ободрение худрука, объятия и поцелуи Катеньки – все это радует, все это хочется повторить. Но можно ли променять все это на Венеру? Вернее, так: его ли, Антонова ли это Венера?

И вдруг все стало простым и ясным.

– Я буду искать дальше, – твердо сказал он Ерофею.

– Тогда твоя пятая дверь ведет в дом, – отвечивал Ерофей и превратился в обычную собаку.

На крыльце, у самой двери, стоял Позднолег и радушным жестом приглашал войти в помещение.

Глава 13. Ноги и вершины

– Ерофей говорил, что духам в дом нельзя, – напомнил Антон. В это же время он пытался найти домашние тапочки для Позднолега.

Зверек вкатился в дом сразу же за юным хозяином, смешно перевалился через невысокий порог и теперь ждал, пока ему подыщут обувь, подходящую по размеру.

– Все ты понял неверно, – наставительно пояснил Позднолег. – В дом нельзя Ерофею, потому как он охранитель двора, дух, так сказать, внешней прилегающей территории. Для территории внутренней у вас есть другой хранитель.

– Ка-Це? – догадался Антон и перестал искать тапочки – нет таких размеров. Позднолег кивнул.

– А ты тогда кто? – уточнил Антон.

– Я дух междудверий, – ответил Позднолег гордо. – Междудверных пространств. Тоже, между прочим, фей. В некотором роде. Ну и гид по миру Дверей. Это уже по совместительству. С двадцатипроцентной надбавкой за расширенную нагрузку.

– У меня родители в доме спят, – вспомнил Антон и понизил голос до шепота. – На втором этаже.

– И тебе бы спать надо побольше, – пожурил Позднолег. – И почаще. Что я тебе говорил?

– «Не выспавшийся школьник – это нерадивый студент. Нерадивый студент – плохой специалист. Плохой специалист – обуза для общества», – по памяти процитировал «классика» Антон.

– Вот хорошо, что помнишь, – порадовался «классик». – Режим на то и режим, чтобы его соблюдать. А по поводу родителей не переживай. Моя задача тебя от пятой до шестой двери проводить. А шестая-то дверь – вот она. – И гид показал маленькой ручкой в сторону двери из прихожей в холл.

Антон впервые смог рассмотреть руку своего проводника. Раньше ручки практически не были видны – прятались то ли в густой шерсти, то ли во всклокоченных волосах зверька. Да вдобавок в одной из рученок всегда был керосиновый фонарь. А теперь фонаря не было, о чем Антон тут же не преминул спросить.

– А почто мне тут фонарь? – засмеялся Позднолег. – Тут твоя прихожая, тут яркое электричество. Фонарь же только впотымах работает. А тут светло. И уютно.

– Гнаться за нами тут никто не будет? – осторожно спросил Антон, вспомнив зловещие шорохи в предыдущих «переходах».

– Ну что ты! – обиженно всполошился Позднолег. – Снаружи – Ерофей, изнутри – Ка-Це, а рядом с тобой – твой покорный слуга. Да еще и электричество. Кто ж за тобой погонится? Защищены со всех сторон!

– Может, все же расскажешь о моем таинственном преследователе? – вкрадчиво спросил Антон, заметив, что Позднолег в этот раз добродушен и разговорчив. Но не тут-то было: проводник по миру Дверей тут же поспешил сменить тему.

– Кратчайший путь в горах – это прыжки с вершины на вершину, – важно произнес лохматый гид. – Но для этого нужно иметь очень длинные ноги. Быль и небыль, сказка и обыденность – вот твои вершины. Но чтобы они стали говорить с тобой, ты должен стать большим и рослым.

– Опять Спиноза? – обреченно вздохнул Антон.

– Ницше, – исправил Позднолег. – Из «Заратустры». И не дословно. Адаптировал для подросткового возраста.

– Мне уже шестнадцать, – напомнил Антон. – У меня паспорт есть.

– А у меня нет паспорта, – расстроился Позднолег. – И у других духов твоего дома тоже нет.

– Вот как раз у собаки и кошки паспорта имеются, – подловил собеседника Антон. – Санитарные. В них прививки заносят.

– У собаки и кошки – имеются, – согласился Позднолег. – А вот у духов паспортов нет. Не выдают нам паспорта в наших конторах. Только предписания – нижайшие или высочайшие – тут уж кто какому ведомству служит.

– А ты какому ведомству служишь? – попробовал дознаться Антон.

– Много будешь знать – ни одну дверь больше открыть не сможешь, – отрезал Позднолег.

– Разве много знать – это плохо? – удивился Антон. – Зачем я тогда уроки учил? По твоему, между прочим, совету.

– Есть вещи, которые не знать нужно, а чувствовать, – Позднолег поднял пальчик и сделал им вращательные движения, как какой-нибудь маг-заклинатель воды в каком-нибудь средней руки фильме. – Говорю же: с вершины на вершину еще допрыгнуть нужно. А для этого нужно... – и рассказчик специально сделал паузу, ожидая дополнения от слушателя.

– Быть большим и рослым! – отрапортовал Антон.

– А что это значит? – хитро прищурился Позднолег.

– Иметь высокий рост и большой размер ноги, – решил пошутить Антон, но, глянув на величественные ступни духа междудверья, понял, что «сел в лужу бестактности», как иногда говорил папа о подобных разговорных ситуациях.

– Оболтус, – вовсе без обиды поругал парня Позднолег. – А теперь соберись и ответь серьезно.

– Я запутался, – честно признался Антон. – С чего там мы начали?

– С вершин, – напомнил Позднолег.

– Это я помню, – кивнул юноша. – Две вершины – быль и небыль.

– Мир реальности и мир фантазий, – согласился гид. – И тут еще можно поспорить, какой из этих миров как назвать. Итак, есть две вершины. Так видел Ницше. Он вообще видел много вершин, да не суть. На самом деле вершина одна. И каждый карабкается к этой вершине по своей стороне склона.

– А мы сейчас где? – поинтересовался Антон.

– Мы на пике, – торжественно сообщил Позднолег. – На самой что ни на есть грани. На острие.

– Так чего же мы еще ищем? – недоумевал Антон. – Одни карабаются – и пусть себе. А мы уже здесь. Сядем поудобнее и будем радоваться, что мы цари горы. – И Антон присел на пуфик в прихожей в качестве демонстрации своего царственного положения.

– Все бы тебе шуточки шутить, – укоризненно покачался из стороны в сторону Позднолег. – Беда в том, что ты в любой момент можешь скатиться в какую-нибудь сторону: либо в мир фантазий, и тогда станешь объектом насмешек в мире реальности; либо, что еще хуже, в мир реальности, и тогда мир фантазий для тебя будет закрыт навсегда.

– И каков выход?

– А вот тут как раз и нужно вспомнить о большом росте, чтобы обозревать долины по обе стороны от горного хребта, и о больших ногах, чтобы твердо опереться на оба склона.

Антон представил себе, как он высоченным великаном, упирающимся в небесный свод головой, сидит, расставив ноги, на горном хребте и обмывает одну ступню в желтых водах Ганга, а другую – в кисельных водах меж молочными берегами. Антону стало смешно, настолько смешно, что он не сумел сдержаться.

– Соизвольте изложить причину Вашего смеха, уважаемый юноша, – Позднолег, напротив, стал неимоверно серьезен.

– Забавная аллегория, – признался Антон и описал сложившийся после этого рассказа образ.

– Нет, – обиделся Позднолег, – лучше представить себе долговяза, переступающего с вершины на вершину. А ты подумал, что там, внизу, меж двух вершин?

– Пропать, конечно.

– А ты подумал, как безнадежно в эту пропасть упасть, если не допрыгнешь с одного пика на другой?

Антон подумал, представил, вспомнил несколько фильмов (и просто видеороликов) о погибших альпинистах, ужаснулся и согласился:

– Уж лучше скатиться по склону, чем сгинуть в бездне. Хоть какой-то шанс остается.

– Вот и не падай, – расслабился Позднолег. – Держись на своей вершине любыми способами. Будь царем горы. И самый верный способ – пройти десять дверей. Кстати, тебя ожидает следующая. Вот она, твоя шестая дверь. – Проводник указал на обычную дверь меж прихожей и холлом, которая всегда была открыта. Всегда, но не теперь. – Готов?

– Готов! – по-пионерски бодро отрапортовал Антон и шагнул, как был – в домашних тапочках, в неизведанное будущее, которое так скоро превратиться в пережитое прошлое.

Глава 14. Тапки и ветер

Это был всего один маленький шаг для подростка, и наверняка не гигантский скачок для всего человечества. Потому что Антон, как только оказался за дверью, тут же рухнул на диван. Свой, родной, домашний диван. Тот, что в гостиной. Упал, даже не успев снять тапочки – те сами соскользнули с ног на пол с тихим шлепком. Автоматическим движением рука сама натянула плед до самого подбородка. Стало тепло и уютно. Уютно и тепло...

Антон провалился в сон, как в нору Белого Кролика. И падал, падал, падал: через ночь, звезды и разговор с собакой; через холл с десятью дверями и улыбающейся кошкой; через крошечную тьму, желтый огонек керосинки и зловещий писк загадочного врага; через мерцающий монитор и пройденную (или не пройденную?) игру «The Doors»; через слепящие стробоскопы, славу школьной сцены и объятия Катерины (и не только); через философские беседы с загадочным зверьком с говорящим именем Позднолег о Спинозе и Ницше; через все выпитое, прочитанное и прожитое.

Антон падал в сон, которого ждал с 17 октября, со дня святого Ерофея, с того времени, когда ему было пятнадцать, когда говорящие маламуты и улыбающиеся кошки казались чем-то более-менее естественным. Повзрослел ли он за это время? Стал ли он другим, изменился ли? А если изменился, то в чем именно?

Через сказку и быль, через горные вершины и бездонные пропасти, через звезду на небе, через мечту на земле – летел Антон долгие часы сна и с оглушительным шлепком домашних мягких тапочек об пол, с треском накопившейся усталости и с фейерверком накопленных впечатлений рухнул Антон на мягкий диван и под теплый плед, вломился прямо в шестую дверь. И дверь эта оказалась дверью в сон.

Нет-нет, пусть не расстраивается мой верный спутник, который – уверен! – внимательно следит за всеми перипетиями, что проживает наш герой! Пусть даже и не думает мой верный читатель, что автор вот так, запросто, по-кэрролловски, по-гофмановски или по-метерлинковски, разрешит все парадоксы двоемира. Усыпит, а затем разбудит Алису, бежавшую за Белым Кроликом; усыпит, а затем разбудит Мари, сражавшуюся с Мышиным королем; усыпит, а затем разбудит Тильтиль и Митиль, путешествовавших в погоне за Синей птицей...

Неужели Вы, мой верный спутник-читатель, подумали, что автор усыпит-таки, а потом разбудит Антона и напоследок объявит все, происходившее с ним, банальным сном? О! не разочаровывайте меня! И я постараюсь не разочаровать Вас. Мы же друзья, а друзья так друг с другом не поступают.

Во-первых, первых, я дорожу Вашим драгоценным вниманием к сему скромному повествованию и к моей скромной персоне, мой многоуважаемый друг-читатель.

Во-вторых, этот самый пресловутый «напоследок» еще не наступил. И наступит, уверяю Вас, не скоро: вспомните заклинание фея Ерофея перед крыльцом дома на Кисельной восемь.

В-третьих, неужели Вы до сей поры не научились различать в домашних питомцах не только кошек и собак, но и могучих, верных, надежных *genius loci*, духов-покровителей Ваших жилищ, бань, садов, огородов и всех других мест, согретых Вашим теплом.

И, наконец, в-четвертых... Давайте дадим парню отдохнуть. Просто отдохнуть. Кто ж знал, что за шестой дверью выпадет ему именно такой счастливый случай. Обещаю Вам (а когда ж я Вам врал?), что теперь до конца повествования Антону не заснуть, сколько бы еще глав-лет-километров ему не пришлось прошагать в нашей Сказке. Прошагать рука об руку с Вами, мой верный друг.

Хотя не все так просто... И даже за этой, шестой по счету дверью, нужно не забывать, что некто, жестокий и беспощадный, крадет за нашим героем по пятам, и только и ждет, когда

наш доблестный рыцарь приляжет отдохнуть. Не важно, под раскидистым дубом, не снимая стальных доспехов, или на мягком диване, под плюшевым пледом, скинув домашние тапочки.

А посему, мой милый сердцу спутник-читатель, оставим на время нашу беседу и вернемся к нашему герою. Вдруг ему нужна наша помощь? Ведь он просто спит, а во сне каждый из нас беззащитен.

Но нет. Антон уже не спит, хотя и не встает со своего уютного дивана, не выбирается из-под своего любимого пледа. Разве что за новой книгой, за пультом для телевизора, за небольшим укулеле, чтобы наиграть свои любимые песни, да за некоторыми другими вещами, так необходимыми человеку, который уже больше недели проводит в бездельной неге. Ведь у него нет своего Захара, как у известного всему миру Обломова. Вернее, есть мама Нина, она принесет и чай, и бутерброды, но не доверишь же маме выбор книги или поиск нужного фильма на голубом экране. Можно, конечно же, доверить такой тонкий выбор папе, но попробуй крикни отцу: «Па, принеси мне книгу!»

Да, Антон намаялся за свою долгую жизнь. Пусть ему нет еще и семнадцати, но сколько всего перевидал-перепонял-перечувствовал он за эти насыщенные годы!

Однако эти зимние каникулы последние в его школьной жизни. Меньше чем через полгода уже выпускной, а профессия еще не выбрана, институт для поступления еще не определен, да и куда поступать, если нет желаний, нет воли, нет цели?

Куда подевался былой задор? Остыла тяга к славе, по-прежнему многочисленные звонки девушек не радовали и даже компьютер со всеми его соблазнами целую неделю стоял выключенным. А ведь охотник все ближе, его шипение и писк все громче, грань между всепоглощающей темнотой и Антоновым диваном все тоньше. Хоть бы Позднолег толкнул в бок.

Спас отец.

– Антон, хватит валяться. Иди, пес скоро узнавать тебя перестанет. Выйдешь погладить, а он тебя сожрет, – сказал как-то отец часа в три.

С отцом попробуй поспорь, и к четырем часам Антон уже вел на поводке радостного маламута в поля – проветриться. И где-то нам, меж двумя присыпанными снегом полями, Ерофей сказал:

– Хозяин, ты совсем с орбиты слетел?

Антон вздрогнул от неожиданности: он и забыл, что Ерофей бывает не только псом, но и феем. Былые события как-то подернулись вуалью сказочного флера. Поэтому, отринув аристократизм в речи, Антон только и сумел вымолвить:

– Чего?

– Сожрут тебя скоро, вот чего, – обрадовал доброй вестью фей Ерофей. – Не я, конечно. Для нас, маламутов, хозяин – это святое. Укусить могу, но так, любя и уважая. Но желающие, поверь, есть, и они уже близко. И даже не сожрут – так было бы гуманнее. Поглотят. Без остатка.

– И чем чревато для меня сие поглощение? – эффект неожиданности прошел, к Антону вернулся его весьма широкий (во всяком случае, для подростка его возраста) лексикон.

– Останешься за дверью номер шесть навсегда, – сообщил пес.

– Эта дверь называется «Сон»? – уточнил Антон, который уже начал разбираться в базовых законах мира Дверей.

– Эта дверь называется «Лень», – передразнил-исправил Ерофей. – И она закрывает перед тобой все другие двери. Тупик. Безысходность.

Антон поежился – то ли от январского ветра, то ли от мучительных мук выбора. Что плохого в лени? Может, ну ее, ту Венеру?

– Да что я с тобой разлаеваю тут? – если бы Ерофей мог, он бы махнул с досады лапой. – Лень так лень. Остаешься здесь? Прощай тогда.

И пес весело затрусил метить ближайший столбик, которыми в полях размечают будущие домовые участки. Участок, на котором был установлен разметочный столбик, был, собственно,

не совсем будущим домовым. Часть участка уже занимала одноэтажная кирпичная постройка, без окон, без отделки. Постройка со временем обещала превратиться в скромный двухэтажный домик. Ерофей уже задрал лапу, утверждая свое право на некоторую долю в этом строении.

– Погоди! – опомнился Антон. – Дай хоть подумать!

Парень бросился вслед за псом и замер метрах в десяти у недостроя. В обнаженном кирпичном проеме будущей двери стоял Позднолег. С желтым керосиновым фонариком, который каким-то чудом не гас под порывами зимних воздушных потоков. Стояли и молчали. Ерофей, не обращая на немую сцену драгоценного собачьего внимания, выгонял куропаток из скупых сугробчиков.

– Идешь? – поежился Позднолег.

– Иду, – не задумываясь ответил Антон.

Юноша уже видел в пустом кирпичном проеме обычную межкомнатную дверь. Дверь номер семь.

Глава 15. Целеполагание и мышцы

1

– Уверен, что готов? – дурашливо нахмурился Позднолег.
– Не томи уже, – попросил Антон и потянулся к ручке двери.
– Может, все-таки благая лень во славу себя? А, что скажешь, царь горы на вершине мира? – настаивал Позднолег. – Неужели надоело?

– Опостылело, – неожиданно для себя самого понял Антон.

– Это за неделю-то? – не унимался проводник. – Может, ты просто во вкус не вошел? Чего душе не хватало? Все под рукой: плед, диван, тапки. Книги, мама, бутерброды. Друзья в скайпе, игры в компе, девчонки в смс. Думаю, мама даже пиво бы принесла. Ну, если умеючи попросить. А просить ты умеешь.

– Дай пройти, – с некоторой жесткостью сказал Антон.

– Подумай, – искушал Позднолег. – Лень – это же наше все. Можно сказать, ментальная черта. Чем не жизнь Емелей на печи, Антоном на диване? Школу ты и так окончишь. Сколько там до выпускного осталось? Месяцев пять? Шесть? Отец и мать поддержат, пристроят в институт по твоему выбору, а потом и работу найдут. Будешь каким-нибудь аналитиком у Нестора Ивановича на новостном канале. А то и путешествовать отправят – разума по миру набираться, образования разные новые получать. Не так ли раньше в дворянских гнездах поступали отцы семейств со своими сыновьями?

– Отцы семейств раньше сыновей сызмальства к полкам приписывали, чтобы те уже лет в семнадцать корнетами в строю гарцевали, – насупился Антон.

Юноша теперь стоял перед дверью, переминаясь с ноги на ногу, чтобы согреться. Он больше не предпринимал насильственных попыток пробиться через стражу в лице лохматого гида. Где-то за спиной продолжал резвиться с куропатками маламут Ерофей, даже не думая вновь по-фейски одухотворяться. Пронзительно пел январский ветер, и зверем, и дитятей гуляя по пустым помещениям одноэтажного недостроя.

– Корнетами? – присвистнул Позднолег. – Впервые слышу. Что за зверь? Труба какая-то? Или рогач? В древности корнами рога называли. Помнишь, у Моисея два корна было, когда он с горы Синайской спускался. Их еще Микеланджело изобразил светозарными лучами.

– Нет, точно не рогач, – невольно улыбнулся Антон. – И не только труба. Хотя и труба такая есть, типа полкового горна. Или корна? Может даже в форме рога. А так – это младший чин офицера. Происходит от слова «знамя» на каком-то языке европейском, не помню. Получается «знаменосец», что ли.

– У нас тоже похожее слово есть, – вспомнил проводник, – Хоругвь, знамя. Хоругвь – корнет, – посмаковал Позднолег, даже закатив глаза от удовольствия. – Да, созвучие есть. Люблю слова сравнивать. Все языки от одних корней. Как и мы, духи, с вами, людьми, – значения и формы разнятся, а суть одна. Знаменосец, говоришь?

Антон кивнул.

– Это тот, – продолжил Позднолег, – кто знамя в бою несет, кого лучше всех видно и в кого поэтому первая граната прилетает? Незавидная роль. С одной стороны – герой, с другой – чин-то самый младший, ты же сам так и сказал. Рядовые знамя видят и к нему тянутся. А те, кто знамя рисовал да корнету в руки вставил, сидят где-то в тени, корнетов в самые пекла шлют и шампанское попивают. Нет. Это точно не твое. Тебе еще к Венере добираться. Тоже путь не легкий, тоже в пекле можешь оказаться. Тем более, чую я, что у тебя значительные проблемы с этим образовались.

– Какие? – уточнил Антон, хотя и сам догадывался.

– Да потому что стал ты из двери в дверь без толку прыгать, – резанул Позднолег сермяжной правдой. – Как заяц по кочкам. Да и у того цель есть – от охотников спастись...

При воспоминании об охотниках Позднолег занервничал, зыркнул из стороны в сторону – Антону даже показалось, что как-то затравленно. Но Позднолег тут же собрался и вернул себе важный вид, надлежащий высокому званию проводника по миру Дверей. И продолжил:

– Мне как гиду обидно. Вот представь, пришел ты в музей на экскурсию, гид для тебя старается, от экспоната к экспонату водит, а ты глазами скользишь по раритетам, а сам о своем думаешь. Или того пуще, наушники надел, и даже сопроводительную лекцию мимо пропускаешь.

– Я все понял, – заверил Антон. – Все слушаю, ничего мимо не пропускаю.

– Сформулируй! – потребовал Позднолег.

Антон замялся, нужные слова в голову не приходили. Что же именно главное, существенное упустил он, чем теперь так раздосадован зверек Позднолег? Но учитель пришел на помощь своему ученику.

– Вот скажи мне, брат мой: если человечеству недостает еще цели, то, быть может, недостает еще и самого человечества?

– Снова Ницше? – угадал Антон.

– Ну, уж точно не Кант! – развел ручонками проводник. Фонарь качнулся и притих, чуть не погаснув на ветру. – Хотя доля критики в этом точно есть. Как там у тебя дела с целеполаганием?

– Школа, выбор специальности, вуз, – уныло перечислил Антон. – Пока, честно говоря, никак.

– А говорить нечестно вообще не стоит, – нравоучил Позднолег. – Если хочешь сказать нечестно, лучше промолчи. Так раз с целью пока никак, может, и не попремся за седьмую дверь? Отчаяя забота, лень да теплая жизнь?

– Это не мое королевство, – упрямо решил Антон. – Буду создавать свое, не полезу на чужой трон.

– Эх, ни я в тебе не уверен, ни сам ты... Поспорил бы я дальше, но не могу, – сдался наконец Позднолег. – Видишь, где мы? В поле. А мое царство в междудверье. Спасибо фею Ерофею – видишь, бегают, сказочное пространство создает, от чужого глаза оберегает.

Антон видел, как носится кругами его огромный маламут, но был абсолютно уверен, что это обычные собачьи забавы. А вон оно как: создает да оберегает... Заботливый феище!

– Проходи, – дозволил проводник, и Антон послушно потянул за ручку межкомнатной двери, невесть как встроившейся в кирпичный оскал необлицованной постройки...

2

Шагнув за порог, Антон упал. Упал и покотился вниз по склону. Даже не покотился, а как-то заскользил – сначала вперед головой, но потом, через бок, удалось перевернуться на спину и подставить склону мягкое место.

Тут же пришли на память притчи Позднолега о горных хребтах и вершинах, о кратчайших путях и длинных ногах, о склонах и долинах, о прыжках и падениях, о были и небыли, о сказке и обыденности. Не вышло из Антона царя горы. Сорвался. Оказался недостаточно большим и рослым. Ницше и Позднолег скривились бы презрительно и недовольно.

Что ж, решил Антон, так ему и надо! Залежался на диване под теплым пледом. «Длинные ноги», которыми скакать бы с вершины на вершину, перепрыгивая через бездны, сникли

и завяли в домашних тапочках. Разве можно говорить «сникли и завяли» о ногах? Наверное, можно. Некоторые, вон, вообще своим ногам письма писали.

Что за глупые мысли лезут в голову, когда катишься на заднице вниз по склону горы! И ведь все эти нити скачущих нейронов мозга успевают запутаться в волшебный клубок за считанные секунды. Жизнь, конечно, перед глазами не проносится, а вот аналитические способности стираются напрочь, уступая место лепету памяти вперемешку с воплями паники.

И вот в эти дикие голоса вдруг вмешался другой голос, совершенно неожиданный в этом падении-скольжении, но зато родной и знакомый.

– Антооон! Я тууут, Антооон!

Еще миг, и Антон уже сидел, все еще переживая свое свержение с трона царя горы. Рот, нос и уши были полны снега, ноги ныли в икрах, руки – в запястьях. Ушибленный копчик болел, но терпимо. Снег забился между капюшоном куртки, но за шиворот не попал, благодаря гольфу с горлом под самый подбородок. Снежный сугроб, собранный телом при скольжении, вначале замедлил, а после и вовсе остановил движение вниз.

Снег ослепляюще сиял на солнце, но глаза Антона были надежно защищены тяжелыми желтыми очками, больше похожими на маску для подводного плавания. Голова так же не пострадала – ее прикрывал обтекаемый шлем. Руки в облегающих массивных перчатках сжимали изогнутые палки.

– Я тут, – повторила мама, лихо виражируя и вздымая брызги снега, – остановившись у полусугроба, в который превратился ее сын. – Руки-ноги целы? – Нина приподняла лыжную маску, чтобы удостовериться, что сыновья сборка полная, не рассыпалась на части.

– Порядок, – ответил Антон. Он думал о другом: какой год на дворе? Закончил ли он уже школу? Поступил ли в институт? Вряд ли – дверь-то была только седьмая, не десятая. Тогда что это за зима? Та же, что была?

– Шея? – продолжала проявлять заботу Нина. – Нос?

– Порядок, – повторил Антон.

– Тогда я быстро вниз, твои лыжи догонять, – Нина вернула лыжную маску на место. – Сам по чуть-чуть, ножками, – предупредила. – Наверх лыжи тащить не буду. – И умчалась лихим зигзагом.

Антон встал на тяжелые от налипшего снега ботинки, поприседал, чтобы проверить целостность конечностей, отряхнулся от снега и побрел маленькими скользкими шажками вниз по склону, опираясь на изогнутые горнолыжные палки.

Уже вечером, в местной колоритной колыбе – разновидности ресторанчика, где дым от центрального очага уносился в открытое небо через большое отверстие в крыше, уносился вместе с ароматом шашлыка, жарящихся сосисок и свиных ребер – за стаканчиком парящего глинтвейна в разговоре с мамой Антон получил ответы на интересующие его вопросы.

Когда Антона подняли с дивана и отправили на прогулку с псом, мама и папа устроили маленький и быстрый семейный совет. В несколько ёмких, но согласных реплик было решено, что с этим надо что-то делать. Под «этим» подразумевались лень, безделье и расслабленное состояние Антона. Молниеносно было решено отправляться в горы.

Поскольку отцу работа бы отсутствия не простила (да и надо мужчине отдыхать от семьи, чтобы не забывать про мужскую перед семьей ответственность), делегатами в царство сияющих вершин и огромных сосен-смерек были назначены Нина и Антон. Билеты были куплены «вот прямо на завтра». Конечно же, билетов за один день на горнолыжный курорт в горнолыжный сезон не найти нигде, но для Нестора Ивановича не было никаких неразрешимых вопросов. Иногда у Антона складывалось впечатление, что есть в отцовском общении с миром людей и предметов что-то магическое.

И вот они здесь – очнувшийся ото спячки сын и веселая, раскрасневшаяся от мороза, глинтвейна и мужского внимания мать.

Дни отдыха в горах («наплывшие» немного на учебное время) пролетели незаметно, но, как выяснилось, это было не единственное решение, принятое тогда на вечернем совете. Продолжение следовало. На Старый новый год Антон получил в подарок... абонемент в тренажерный зал и личного инструктора в нагрузку.

И хоть первый месяц занятий, почти ежедневных, с перерывами на уроки, обед и гуляние, прошел в муках, ко второму месяцу Антон вошел во вкус. Он обнаружил на своем теле изменения, которые позволяли с еще большим удовольствием озирать себя в зеркале. Хотя и до этого Антон особо себя не бичевал и самоедством не страдал. Плечи стали заметно шире, бицепсы округлились, а трицепсы, которых раньше и в помине было не сыскать, теперь гордо проявлялись на положенных местах.

Антон стал больше времени проводить у зеркала. Потом еще больше. И еще. Девушки, которые и ранее не обижали юношу вниманием, теперь интересовались им еще сильнее, он ими – значительно слабее. Зачем? Ведь лучшая девушка – это штанга, а захочешь сразу двух – так есть гантели. Кстати, в доме – благо, что место позволяло, – появились и штанга со станком, и наборные гантели, и даже скамья Скотта.

Нужно признать, что не только девушки отошли на второй план. Книги тоже были забыты. Практически абсолютно. Из книг остались только учебники, и то лишь по необходимости. Мышечный каркас креп, мышечная масса росла, разум коснел, интеллектуальный потенциал падал. Где-то прибывало, где-то убывало. Против фундаментальных законов не попрешь. Если ты, конечно не Нестор Иванович, фей Ерофей или зверек Позднолег.

Время близилось к лету, к экзаменам, к выпускному.

В один из томных кроссфит-вечеров, когда Антон, оставшись один дома, душевно общался со своим железом, – а происходило это в подвале дома на Кисельной, 8, – в углу, в самом темном углу, в том, где стояли самые лучшие папины вина, раздался шорох. Мыши в доме иногда появлялись. И даже сколопендры, длинные и неприятные, появлялись тоже. Антон взял небольшой гантельный гриф и, не без опаски, заглянул в винный погребок.

Шорох стих, но звук остался – темный, даже черный звук, похожий на шипение. Из-под винной стойки просочилась маслянистая лужа. «Если это потекло вино, – подумал Антон, – да еще в том, коллекционном углу, разговор с отцом предстоит суровый».

Лужа булькнула раз, другой, покрылась пузырями. Пузыри вытянулись, потянулись к Антону тонкими конечностями, которые на глазах превращались в лапки, в лапы, в клешни, в шупальца... Шипение превратилось в вой. Голова этого создания все еще была не видима – застряла меж пыльных бутылок. Антон понимал, что нужно бежать, но так и застыл в ужасе мускулистым истуканом с полуторакилограммовым гантельным грифом в правой руке.

И тут маленькая ручка легла в свободную мокрую от пота левую руку юноши. Антон вздрогнул, вышел из оцепенения.

– Беги, идиот! – почти прорычал Позднолег. – Беги! Дверь за спиной!

Глава 16. Черепаха Тортилла и Синяя Борода

Трехцветный маленький комок вдруг возник между жидкой копошащейся тварью и Антоном. Ка-Це яростно зашипела, почти так же, как шипела черная агрессивная субстанция. Шерсть на кошке стояла дыбом, хвост распушился так, что увеличился в объеме десятикратно. Да и сама Ка-Це перестала быть «куцей» кошечкой: казалось, между Антоном и неведомой нечистью явилась разъяренная рысь. Началась дуэль шипений, рычаний, визгов – звуки слились в какофонию, в акустическую жуть.

И тут Ка-Це прыгнула – с утробным урчанием, широко расставив передние лапы, выпустив когти. Мерзкая жижа устремилась ей навстречу всеми своими псевдоподиями.

– Беги! – еще раз крикнул Позднолег и рванул Антона за левую руку. Рванул с такой силой, что спортивно сложенный юнец даже не успел развернуться, – так и повалился назад, через порог, проломив спиной дверь меж винным погребком и подвалом. Только теперь вела она не в подвал дома на Кисельной, 8. Это была восьмая дверь.

Проводник и ведомый вновь оказались в темном лабиринте междудверного царства: Позднолег, как всегда, – с чающим керосиновым фонарем; Антон – с полуторакилограммовым гантельным грифом в правой руке. Без мыслей, на одних рефлексах, парень вскочил на ноги и рванул вслед за удаляющимся лимонным пятном керосинки.

Бежали долго, бежали молча. Антон понимал, что сейчас не до разговоров, – есть дело поважнее: спастись. Разобравшись в некоторых пространственных законах мира Дверей, Антон понимал, что где-то, – скорее всего, перед следующей дверью, – должен быть «островок безопасности», место, где это агрессивное нечто их не тронет. Пока не тронет. Их или только его, Антона? Как-то Позднолег обмолвился, что с ним, с гидом, ничего не случится, что не на него охота.

Охота шла на Антона. Как только искатель ступил на путь к мечте, кто-то темный, злой, опасный тут же отправился за ним в погоню. Значит, таковы они, правила этой странной игры? Нельзя просто и беззаботно шагать по Дороге из желтого кирпича в Изумрудный город в сопровождении добрых друзей? И друзья-то есть: фей Ерофей, зверек Позднолег, кошка Ка-Це... Ну, и мама с папой, конечно.

Кстати, как там Ка-Це? Ведет ли сейчас ли бой? Или задержала, дала хозяину время на побег и разумно ретировалась? Или пала в неравном сражении? Жива ли, куца отважная кошка с именем «универсального эквивалента», спичек из фильма «Кин-дза-дза», добрый дух дома на Кисельной, 8?

Друзья есть, что, кстати, огромная редкость в нашем мире. Но обязательно найдутся и злые колдуньи с их безжалостными помощниками: людоедами, летучими обезьянами, деревянными солдатами и прочими тварями, готовыми сожрать, растерзать, разорвать на части? Где-то прибывает, где-то убывает; кто-то идет к мечте, кто-то ползет за идущим. Вечная диалектика жизни.

Искатель и охотник... Хорошо бы, только один охотник. Или их много? Можно ли назвать охотниками все засады, все западни, что подстерегают тебя в пути? Бестолковое общение ни о чем, тупиковые увлечения, стремление к пустой славе, лень и безделье, самолюбование – какие еще капканы расставила на пути Антона к «звезде» Венере коварная колдунья? Или это не колдунья вовсе, а противоречивая, неустойчивая, саморазрушающая человеческая природа? Кто твой враг, человек? Может, не злых колдуний нужно искать вовне, а «черные дыры» в самом себе? А что такое «черная дыра»? Любая дыра – это отсутствие чего-либо: отсутствие воли, отсутствие жажды знаний, отсутствие стремления к цели. Отсутствие мечты.

Каждая дверь могла стать для Антона последней. Дверей много, все их хочется открыть. И это здорово, замечательно! Любое желание – уже не дыра, это уже опора для прыжка. И двери ждут, двери жаждут быть открытыми. Даже двери соблазнов и удовольствий.

«Удовольствие, рассматриваемое прямо, не дурно, а хорошо; неудовольствие же, наоборот, прямо дурно», – так считал Спиноза, и он был прав. Вот только правоту его каждый рассматривает «со своей колокольни». Опасность не в правиле, а в его толковании. «Веселость не может быть чрезмерной, – рассуждал все тот же Спиноза, – но всегда хороша, и, наоборот, меланхолия всегда дурна». Жить действительно нужно в удовольствие: в удовольствие учиться, работать, создавать семью, растить детей. Но всегда найдутся те, кто понимают фразу буквально и всячески пытаются исключить из своего удовольствия собственно жизнь. Вот тут-то искателя и нагоняет охотник.

А еще есть запретные двери, которые очень хочется открыть. Эдакие тайные каморки в замке Синей Бороды. И волшебный ключ тоже есть – на той же связке, с другими ключами. Тебе решать, стоит ли это делать. Нужно просто помнить, что подобная дверь приведет тебя именно в каморку **внизу**, в каком бы роскошном замке она, эта каморка с потайной дверью, не находилась. И это не та каморка в домике папы Карло – с нарисованным очагом, где тайный лаз, где новый театр жизни.

Нет! в ней, в этой каморке Синей Бороды, нет ничего, кроме бездонного колодца. Начнется падение вниз. Нет, не сказочное падение Алисы в нору Белого Кролика, в Страну Чудес, а короткое и глупое падение в пасть охотника. И не помогут другие ключи на связке – они от других дверей, которые уже захлопнулись перед тобой безвозвратно. Они тут же проржавели от твоей глупости и неразборчивости, они рассыпались пылью в твоих руках. Дверь в такую каморку, дорогой искатель мечты, – это даже не тупик. Даже не путь в один конец. Это прыжок в пасть охотника.

Научись отличать очаги, пусть даже нарисованные, с потайными дверцами от подвалов с бездонными колодцами. Догадываешься, в чем тут дело? В том, из чьих рук ты получаешь волшебный ключ: из рук (пусть даже это зеленые лапы) мудрой и доброй черепахи Тортиллы или из рук (пусть даже ухоженных рук в лайковых перчатках) кровожадного и тупого в своей злости аристократа Синей Бороды.

Об этом и многом другом говорили лохматый проводник по лабиринтам мира Дверей зверек Позднолег и запыхавшийся от долгого бега с рывками и резкими поворотами шестнадцатилетний Антон. Сидели они в странном помещении, оббитом тонкими досками от пола до потолка. Позднолег объяснил, что доски тут трех пород: береза, липа и ольха. Так и сказал: «Пол березовый, стены липовые, а потолок ольховый». А вот почему этих трех, так и не объяснил. Скамьи с двух сторон комнатенки тоже были дощатые, и пахло здесь свежо – лесом. Не струганым, а живым. Как будто и не в лабиринте междудверья сидели, а на лесной поляне. Как и положено, была в помещении и дверь. Девятая.

Сидели – сказано не верно. Позднолег сидеть-то и не умел. Голова да ступни – вот и весь зверек. Так что сидел только Антон и привычным движением качал бицепс при помощи гантельного грифа. И зачем, спроси, притащил его сюда? Почему по дороге не выбросил?

Фонарик свой Позднолег предупредительно загасил – во избежание случайной искры. Фонарик загасил, а свет в помещении остался. И откуда только?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.